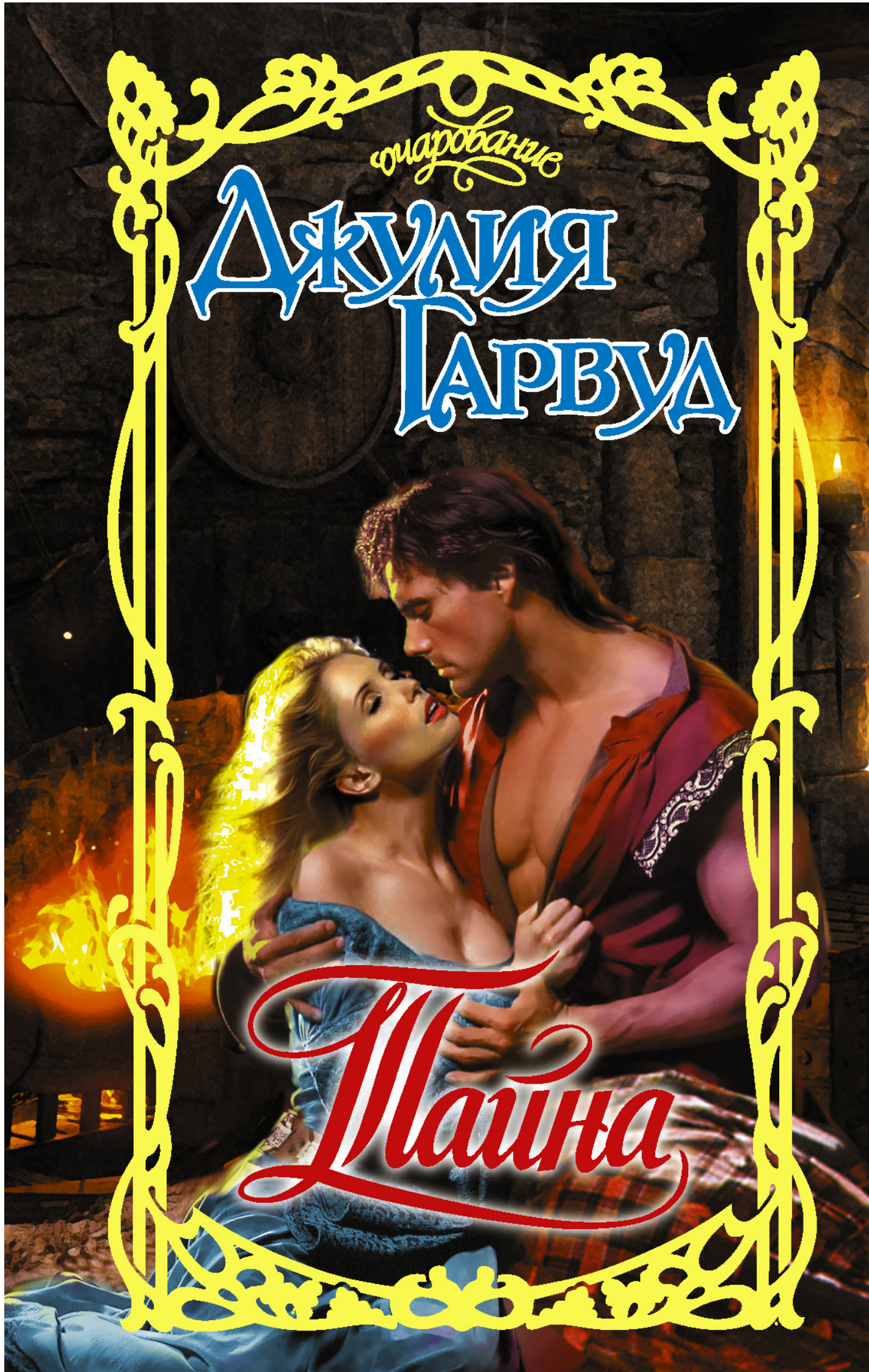

сочинение

Джулия Гарвуд

Пламена

Очарование (АСТ)

Джулия Гарвуд

Тайна

«Издательство АСТ»

1992

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гарвуд Д.

Тайна / Д. Гарвуд — «Издательство АСТ», 1992 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-133126-9

Джудит Хэмптон – гордая английская красавица. Долгие годы она ждала встречи с тем, в чьих жарких объятиях могла бы забыть свои печаль и одиночество. Йан Мэйтленд – неукротимый шотландский горец. Он не доверял женщинам и не верил в любовь... пока любовь не покорила его суровое сердце. Их страсть вспыхнула внезапно, как вспыхивает пожар на шотландских вересковых пустошах, где каприз судьбы свел двух людей, предназначенных друг другу небом. Старинная семейная тайна мешает им обрести счастье, но Джудит и Йан поклялись, что сумеют защитить свои чувства...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133126-9

© Гарвуд Д., 1992

© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	44
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джулия Гарвуд Тайна

Julie Garwood
THE SECRET

© Julie Garwood, 1992

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Англия, 1181 год

Они подружились, будучи еще совсем маленькими, и не могли знать, что волею истории и судьбы им положено ненавидеть друг друга.

Их первая встреча состоялась во время традиционного летнего праздника, проводившегося из года в год на границе Англии и Шотландии. Леди Джудит Хэмптон впервые в жизни присутствовала на шотландских играх. Да и вообще никогда прежде ей не приходилось покидать свой уютный домик в западной Англии. То, что она увидела и услышала в первый же день, настолько взбудоражило ее невинное воображение, что ни о каком послеобеденном сне, обязательном для всех мальчиков и девочек, не могло быть и речи. Да, тут было на что посмотреть и что послушать! А уж для любопытной четырехлетней крошки здесь открывалось просто необозримое пространство для всевозможных шалостей и проказ.

Кстати, Фрэнсис Кэтрин Киркелди уже успела напроказничать, и, чтобы заставить девочку сожалеть о своем недостойном поведении, папа Киркелди отшлепал ее по попке, а потом, перекинув через плечо, словно мешок с овсом, понес на другой конец поля – подальше от веселых песен и плясок – к унылому серому камню, где и велел ей оставаться до тех пор, пока он не перестанет сердиться и не вернется за ней. Время же, проведенное у камня, она обязана использовать для раздумий о своих прегрешениях. Так велел папа.

Фрэнсис Кэтрин не знала, что означает слово «прегрешения», и потому решила, что выполнять волю отца ей необязательно. К тому же внимание ее сейчас было полностью приковано к жирной кусачей пчеле, с грозным жужжанием кружившей над ее головой...

Джудит оказалась невольным свидетелем всей этой сцены. Ей почему-то стало жаль смешную веснушчатую девчушку, которая даже не поморщилась, когда отец шлепал ее по попке. Сама она наверняка бы разревелась, если бы дяде Герберту вздумалось вдруг проделать с ней то же самое.

Джудит решила поговорить с храброй малышкой. Выждав, пока мужчина не погрозит дочери пальцем и не отправится обратно к разноцветным шатрам, она подобрала подол своего платья и долгим кружным путем побежала к серому камню. К сидящей на нем девочке Джудит подошла со спины.

– Мой папа никогда бы меня не отшлепал, – решительно заявила она, но не столько для того, чтобы похвастаться, сколько для того, чтобы поскорее завязать знакомство.

Фрэнсис Кэтрин так и осталась сидеть, не поворачивая головы. Взгляд ее по-прежнему был прикован к здоровенной пчеле, теперь уже ползавшей по серому камню неподалеку от ее левой коленки.

Джудит ничуть не обескуражило ее молчание.

– Мой папа умер, – продолжила она, – еще до того, как я появилась на свет.

– Откуда ты тогда знаешь, отшлепал бы он тебя или нет?

Джудит пожала плечами.

– Просто знаю, и все. – И чтобы не возникло паузы, выпалила первое, что пришло ей в голову: – А ты смешно говоришь – так, как будто у тебя что-то застряло в горле. Ведь застряло, правда? Я угадала?

– Нет, – ответила Фрэнсис Кэтрин. – Но ты тоже говоришь как-то странно.

– А почему ты на меня не смотришь?

– Не могу.

– Почему не можешь? – удивилась Джудит, теребя в ожидании ответа подол своего легкого розового платья.

– Потому что я слежу за пчелой, – ответила Фрэнсис Кэтрин. – Она может ужалить меня в любую минуту, и мне следует быть начеку, чтобы не допустить этого.

Джудит наклонила головку, чтобы поближе разглядеть злое насекомое, копошащееся на серой поверхности камня.

– Почему же ты ее до сих пор не прихлопнула? – спросила она шепотом.

– Я боюсь промахнуться, – призналась Фрэнсис Кэтрин. – Если это случится, пчела обязательно меня ужалит.

Джудит нахмурила брови и задумалась над тем, как помочь бедной девочке.

– А хочешь, я сама ее прихлопну? – предложила она вдруг.

– А ты этого хочешь?

– Может быть, и хочу... – неуверенным голосом начала Джудит. – А тебя как зовут? – продолжила она уже с большей уверенностью, желая немного потянуть время, чтобы собраться с духом для предстоящей схватки с пчелой.

– Фрэнсис Кэтрин. А тебя?

– Джудит. А почему это у тебя два имени? Что-то я раньше никогда не встречала людей с двумя именами.

– Дело в том, что мою маму звали Фрэнсис. Она умерла сразу же после моего рождения. Кэтрин – имя моей бабушки. Ее постигла та же участь. Церковь запретила хоронить их на освященной земле, поскольку сочла нечистыми. Папа надеется, что я буду хорошо себя вести и после смерти попаду в рай. Когда Бог услышит два моих имени, он вспомнит маму и бабушку и простит их.

– А почему церковь сочла их нечистыми?

– Потому что они умерли во время родов, – объяснила Фрэнсис Кэтрин. – Ты что же, девочка, совсем ничего не знаешь?

– Ну почему, кое-что знаю... – смутилась Джудит.

– А вот я знаю почти все, – похвасталась Фрэнсис Кэтрин. – Папа говорит, что я ни в чем так не уверена, как в этом. Я даже знаю, как дети попадают к маме в живот. Хочешь расскажу?

– О да! – охотно согласилась Джудит.

– Как только кончается свадебный пир, папа берет свой кубок с вином и плюет в него, а потом заставляет маму сделать большой глоток. После того как мама проглотит вино, в животе у нее начинает расти ребенок.

Услышав столь восхитительную и одновременно отвратительную новость, Джудит скорчила брезгливую гримасу. Она хотела было попросить Фрэнсис Кэтрин рассказать ей что-нибудь еще, как вдруг та пронзительно взвизгнула. Джудит наклонилась к ней поближе и тоже взвизгнула. Пчела уселась прямо на носок туфельки ее подруги. Чем дольше Джудит смотрела на пчелу, тем огромнее она ей казалась.

Разговор о родах был немедленно прерван.

– Ты ее прихлопнешь? – спросила Фрэнсис Кэтрин с надеждой в голосе.

– Да, но сначала мне нужно к этому подготовиться, – ответила Джудит.

– Боишься?

– Нет, – соврала она. – Я вообще ничего не боюсь. И мне кажется, что ты тоже ничего не боишься.

– Почему тебе так кажется? – удивилась Фрэнсис Кэтрин.

– Потому что ты не плакала, когда папа тебя шлепал по попке, – объяснила Джудит.

– Просто он шлепал меня понарошку, – улыбнулась Фрэнсис Кэтрин. – Папа никогда бы не ударил меня всерьез. Ему от этого было бы гораздо больнее, чем мне. Во всяком случае, так утверждают Гэвин и Кэвин. Вообще они говорят, что у папы со мной уйма хлопот и что он сильно портит меня тем, что постоянно балует. А еще они жалеют того беднягу, который женится на мне, когда я вырасту.

– А кто такие Гэвин и Кэвин? – поинтересовалась Джудит.

– Мои сводные братья, – объяснила Фрэнсис Кэтрин. – Мой папа и их папа тоже, но у них была другая мама. Она умерла.

– Умерла при родах?

– Нет.

– А от чего?

– Просто она бесконечно устала от жизни, – вздохнула Фрэнсис Кэтрин. – Во всяком случае, так сказал мне папа. Ну а теперь я покрепче зажмурюсь, если ты собираешься все-таки расправиться с этой пчелой.

Джудит решила во что бы то ни стало произвести благоприятное впечатление на свою новую подружку, поэтому отринула любые колебания. Она протянула руку и чуть было уж не прихлопнула злосчастное насекомое, как вдруг почувствовала легкое, едва уловимое прикосновение его трепещущих крылышек к своей нежной розовой коже. Ей стало щекотно, и она, сама того не желая, сжала пальцы в кулачок. Раздался дикий вопль.

Фрэнсис Кэтрин соскочила с камня и бросилась помогать своей новой подружке единственным известным ей способом: завопила тоже.

Джудит бегала вокруг и кричала так сильно, что чуть не задохнулась. Подружка бежала за ней по пятам, крича так же, только не от боли, а от страха и из сострадания.

На крик прибежал отец Фрэнсис Кэтрин. Вначале он поймал дочь, а после того, как та дрожащим голосом объяснила, в чем дело, догнал и Джудит.

Через несколько минут все стихло. Вынув пчелиное жало из ладошки Джудит и приложив к месту укуса кусочек прохладной земли, папа Киркелди нежно вытер девочке слезы краешком своего шерстяного пледа. Теперь он сидел на сером камне, прижимая к себе дочь, устроившуюся на одном колене, и Джудит, устроившуюся на другом.

Никто и никогда еще так не суетился вокруг Джудит. Ошарашенная таким обилием внимания по отношению к собственной персоне, Джудит сильно смутилась, однако противиться не стала.

– Надо сказать, что вид у вас был на редкость жалкий, – провозгласил папа, когда девочки перестали всхлипывать и вновь могли внимать его словам. – Вы вопили громче иерихонских труб и бегали по кругу друг за дружкой, словно куры с отрубленными головами.

Джудит никак не могла понять, сердится этот человек или нет. Голос его звучал довольно грозно, однако брови не были нахмурены. Но тут Фрэнсис Кэтрин хихикнула, и Джудит пришла к выводу, что отец ее подружки скорее смеется над ними, нежели сердится.

– Ей было очень больно, папа, – объявила Фрэнсис Кэтрин.

– Уверен, что ты говоришь правду, – согласился тот и, покосившись на Джудит, увидел, что девочка пристально смотрит на него снизу вверх. – Ты храбрая малышка, раз пришла на помощь моей дочке, – похвалил он ее. – Но в следующий раз не хватай пчелу рукой. Ладно?

Джудит приняла серьезное выражение лица и понимающе закивала.

Папа Киркелди похлопал ее по плечу и заметил:

– А ты красивая девчушка. Как твое имя, дитя?

– Ее зовут Джудит, папа, и теперь она – моя подруга, – поспешила сообщить Фрэнсис Кэтрин. – Ей можно будет поужинать вместе с нами?

– Это зависит от воли ее отца, – услышала она в ответ.

– Ее отец умер, – продолжила девочка. – Это достойно сожаления, не так ли, папа?

– Несомненно. – Он кивнул. В уголках его глаз забрезжили морщинки, но не смех и не улыбка были тому причиной. – У этой малышки самые красивые голубые глаза, какие мне только приходилось когда-либо видеть в своей жизни.

– Но ведь у меня тоже самые красивые глаза, какие тебе только приходилось когда-либо видеть, правда, папа?

– Да, это правда, дочка. Но у тебя самые красивые карие глаза.

Фрэнсис Кэтрин оценила похвалу отца: кокетливо дернула плечиком и вновь хихикнула.

– Папа Джудит умер еще до того, как она появилась на свет. – Ей почему-то очень хотелось, чтобы папа узнал эту новость как можно скорее.

Папа Киркелди вздохнул и произнес:

– А теперь, дочка, я бы хотел, чтобы ты немного помолчала, пока я буду говорить с твоей подружкой.

– Слушаюсь, папа, – пообещала Фрэнсис Кэтрин.

Взгляд его вновь обратился к Джудит. Киркелди немного смущало то, с каким вниманием смотрит на него это юное создание. «Такая серьезная малышка, – подумал он, – слишком серьезная для своего возраста». Вслух же спросил:

– Сколько тебе лет, Джудит?

Девочка выставила перед ним четыре пальца.

– Видишь, папа? Ей столько же лет, сколько и мне, – прокомментировала ситуацию Фрэнсис Кэтрин.

– Нет, дочка, совсем не столько же. Джудит четыре года, а тебе уже пять. Ты помнишь об этом?

– Помню, папа.

Улыбнувшись дочери, папа Киркелди вновь попытался заговорить с Джудит.

– Ты ведь не боишься меня, правда?

– Она ничего не боится, – снова вмешалась в разговор Фрэнсис Кэтрин. – Она сама мне об этом сказала!

– Помолчи, дочка. Я хочу наконец-то услышать хотя бы пару слов от твоей подружки. Джудит, твоя мама здесь? – Папа Киркелди вопрошающе заглянул ей в глаза.

Девочка покачала головой. Она продолжала внимательно смотреть на него, нервным жестом накручивая на палец локон своих чудесных золотистых волос. Лицо папы Киркелди обрамляла густая рыжая борода. Когда он открывал рот, волоски ее смешно шевелились, и ей хотелось прикоснуться к ним, чтобы узнать, каковы они на ощупь.

– Джудит! Твоя мама здесь? – повторил папа Киркелди.

– Нет, моя мама сейчас гостит у дяди Текела и она не знает, что я здесь. Это мой секрет, и если я открою его ей, то уже никогда не смогу приехать на этот праздник. Так сказала мне тетя Милисента. – Почему-то в эту минуту Джудит хотелось рассказать этому человеку все, что ей было известно. – Дядя Текел говорит, что он мне почти как папа, хотя никакой он мне не папа, а просто мамин брат, и я никогда не сидела у него на коленях. Да мне никогда и не захотелось бы, даже если бы и было можно...

Папа Киркелди с трудом понимал, о чем идет речь, зато его дочь не испытывала в этом плане никаких затруднений. Кроме того, ее одолевало страшное любопытство.

– А почему же нельзя? – не выдержала она.

– Потому что у дяди Текела сломаны обе ноги, – пояснила Джудит.

Фрэнсис Кэтрин так и ахнула.

– Папа, разве это не достойно сожаления?

Отец тяжело вздохнул. Нить разговора явно ускользала от него.

– Да, несомненно, – кивнул он. – Но, Джудит, если твоя мать находится сейчас в гостях у дяди Текела, каким образом ты оказалась здесь?

– Я приехала сюда с маминной сестрой, – ответила Джудит. – Раньше я постоянно жила с тетей Милисентой и дядей Гербертом, но теперь мама мне этого не разрешает.

– А почему? – не унималась Фрэнсис Кэтрин.

– А потому, что однажды мама услышала, как я назвала дядю Герберта папой. Она так разозлилась при этом, что даже дала мне подзатыльник. А потом дядя Текел сказал, что сле-

дующие полгода я должна буду жить с ним и с мамой, чтобы я не забывала, кому принадлежу, а тете Милисенте и дяде Герберту придется обойтись без меня. Так сказал дядя Текел. Мама не хотела, чтобы я оставалась с ними даже на полгода, но Текел тогда еще не начал пить после ужина, и поэтому она знала, что все сказанное им он запомнит. Он всегда все помнит, когда не пьян. И мама опять ужасно разозлилась.

– Твоя мама разозлилась так, потому что пожалела тетю Милисенту, полагая, что та будет скучать по тебе эти полгода? – спросила Фрэнсис Кэтрин.

– Нет, – почти шепотом произнесла Джудит. – Просто мама называет меня своей обузой.

– Тогда почему же она не хочет, чтобы ты от нее уезжала?

– Она не любит дядю Герберта, – пояснила Джудит. – И поэтому все делает ему назло.

– А почему она его не любит? – продолжала допытываться Фрэнсис Кэтрин.

– Потому что он потомок проклятых шотландцев, – простодушно ответила Джудит, повторив то, что не раз слышала от матери. – Мама говорит, что я не должна даже разговаривать с проклятыми шотландцами.

– Папа, я – проклятая шотландка? – изумилась Фрэнсис Кэтрин.

– Нет, дочка, ты не проклятая шотландка, – ответил отец с какой-то грустью в голосе.

– А я? – встревожилась Джудит.

– Ты – англичанка, девочка, – терпеливо объяснил он ей.

– Проклятая англичанка?

В глазах Киркелди заметались искры отчаяния.

– Никто не проклятый! – воскликнул он и хотел было прибавить что-то еще, как вдруг его могучий живот потряс взрыв хохота. – Знаете что, мои сладенькие? В вашем присутствии мне лучше не говорить ничего такого, что вы могли бы потом повторять к месту и не к месту.

– Почему, папа? – искренне удивилась Фрэнсис Кэтрин.

– Тебе трудно будет это понять, девочка, – ответил ей отец, прекратив смеяться.

Он медленно поднялся на ноги, усадив дочку на одну руку, а Джудит – на другую. Обе девчушки запищали от восторга, когда он сделал вид, будто сейчас их уронит.

– А теперь пойдем поищем твоих тетю и дядю, пока они не начали беспокоиться, – обратился папа Киркелди к Джудит. – Ты помнишь дорогу к своей палатке?

У Джудит тотчас же все сжалось внутри от испуга. Она не запомнила, в каком месте стоит их палатка. А вдобавок ко всему она еще и не знала ее цвета...

Девочка собрала все силы, чтобы не разреветься от стыда и ужаса, затем прошептала:

– Не помню.

Ей показалось, что отец Фрэнсис Кэтрин сейчас накричит на нее, так же как кричит обычно в таких случаях дядя Текел, особенно когда пьян или чем-нибудь раздражен.

Однако отец ее новой подруги ничуть не рассердился. Джудит робко взглянула на него исподлобья и, к великому своему удивлению, увидела улыбку на его губах. Тревога ее тут же рассеялась. Папа Киркелди пообещал ей, что очень скоро разыщет ее родственников.

– Они сильно будут скучать по тебе, если ты не вернешься? – поинтересовалась Фрэнсис Кэтрин.

Джудит кивнула и призналась:

– Дядя Герберт и тетя Милисента будут даже плакать. Иногда мне хочется, чтобы именно они были моими папой и мамой. Честное слово, хочется!

– Почему? – изумилась Фрэнсис Кэтрин.

Джудит пожала плечами. Она не знала, какими словами объяснить все это своей новой подруге.

– Ну что ж, нет ничего плохого в том, чтобы чего-нибудь хотеть, – улыбнулся отец Фрэнсис Кэтрин.

Услышав от него слова одобрения, Джудит почувствовала себя такой счастливой, что не выдержала и опустила ему на плечо свою златокудрую головку. Теплый плед под ее щекой оказался шершавым и приятно пах свежим воздухом.

Девочка подумала, что это самый чудесный папа во всем мире. Поскольку в эту минуту он не смотрел на нее, Джудит решила удовлетворить свое любопытство и, протянув руку, дотронулась до его бороды. Ей стало щекотно, и она хихикнула.

– Папа, тебе нравится моя новая подруга? – спросила Фрэнсис Кэтрин, когда они дошли до середины поля.

– Конечно, нравится, – утвердительно кивнул отец.

– Тогда можно мне взять ее себе? – В голосе девочки звучали воодушевление и надежда.

– Ради всего... – Ошарашенный вопросом дочери, Киркелди-старший воздел глаза к небу, а затем поспешно прибавил, прежде чем дочь успела открыть рот: – Нет, ее нельзя взять себе. Она же не щенок. Но ты можешь оставаться ее подругой.

– Навсегда, папа? – спросила Фрэнсис Кэтрин после непродолжительного молчания.

Она задала этот вопрос отцу, но ответ на него ей дала сама Джудит.

– Навсегда, – застенчиво вырвалось из ее уст.

Фрэнсис Кэтрин схватила ее за руку и торжественно прошептала:

– Навсегда!

Таково было начало этой истории.

С того самого дня две маленькие девочки стали неразлучными подругами. Праздник же продолжался еще целых три недели, различные кланы приезжали и уезжали, а игры на звание победителя, как всегда, проводились в последнее воскресенье месяца.

Джудит и Фрэнсис Кэтрин не обращали внимания ни на какие соревнования. Малышки и без того были слишком заняты. Изо дня в день они только и делали, что делились друг с другом самыми сокровенными своими секретами.

Это была воистину идеальная дружба. Фрэнсис Кэтрин наконец-то нашла кого-то, кто готов был слушать все, о чем бы она ни рассказывала, а Джудит наконец-то встретила того, кто хотел бы говорить с ней часами напролет.

Справедливости ради заметим, что дружба эта доставляла немало хлопот их домочадцам. Фрэнсис Кэтрин, к примеру, стала вставлять через каждое слово определение «проклятый», а Джудит столь же часто начала употреблять выражение «достойно сожаления». Однажды днем, когда им, по всем правилам суточного распорядка, полагалось спать, они взяли и подстригли друг дружку. Тетя Милисента, завидев беспорядочно выстриженные космы, подняла страшный крик и не утихомирилась до тех пор, пока не нахлобучила на головы проказницам по белому капору, чтобы хоть как-то скрыть от посторонних глаз это ужасное зрелище. И на дядю Герберта она тоже очень сердилась, потому что ему полагалось присматривать за девочками, а он не только несколько не огорчился по поводу происшедшего, но даже хохотал как сумасшедший. Она велела мужу отвести обеих чертенок на другой конец поля и посадить на серый камень, дабы те хорошенько подумали о своем постыдном поведении.

Девочки действительно хорошенько думали, но только не о своем постыдном поведении. Фрэнсис Кэтрин, например, подала замечательную идею: у Джудит тоже должно быть два полных имени, чтобы им совсем уж ничем не отличаться друг от друга. На выбор имени у подружек ушло довольно много времени. Но в конце концов решение было принято, и Джудит превратилась в Джудит Элизабет. После этого девочка отказывалась отзываться на чей-либо зов, если ее не окликали двумя этими именами одновременно.

Потом праздник кончился, и все разъехались по домам. Прошел год. Но когда на следующем празднике Фрэнсис Кэтрин и Джудит Элизабет встретились снова, было похоже, что расставались они всего-то на пару часов. Фрэнсис Кэтрин никак не могла дождаться того момента, когда их с Джудит оставят наедине. Дело в том, что она разузнала еще один умопомрачи-

тельный факт, касающийся рождения детей. Оказывается, женщине не обязательно выходить замуж для того, чтобы иметь ребенка. Она знала это наверняка, потому что одна из женщин Киркелди вырастила в своем животе ребенка, хотя и не была при этом замужем.

– И еще некоторые из старух клана швыряли камни в бедную девушку, – шептала Фрэнсис Кэтрин на ухо своей подруге, – а папа велел им прекратить швырять камни и приказал оставить бедняжку в покое.

– А в того мужчину, который плюнул ей в питье, они тоже швыряли камни? – поинтересовалась Джудит.

– Девушка отказалась назвать имя того, кто это сделал, – покачала головой Фрэнсис Кэтрин и продолжила: – Не трудно понять, что из этого следует. Это означает, что любая взрослая женщина, отпив из кубка, в который плюнул любой взрослый мужчина, наверняка получит ребенка в животе.

И Фрэнсис Кэтрин заставила Джудит пообещать ей, что та никогда ничего подобного не совершит. Джудит взяла с нее такое же обещание...

Годы, пришедшиеся на период взросления, в памяти Джудит слились в один сплошной туман. В сознание ее медленно, но неумолимо проникало понимание той ненависти, которая существовала между шотландцами и англичанами. Впрочем, она всегда знала, что ее мать и дядя Текел презирают шотландцев, но считала, что презрение это происходит от их невежества.

Ведь чаще всего именно невежество порождает презрение, не так ли? По крайней мере, об этом всегда говорил дядя Герберт. А Джудит верила всему, что он ей говорил. Он был таким добрым, таким любящим! Когда девочка предположила, что мама и дядя Текел просто никогда не бывали в семье шотландцев и потому не понимают, какие они чудесные, добродушные люди, дядя Герберт поцеловал ее в лоб и сказал, что скорее всего так оно и есть.

По печальному выражению его глаз Джудит поняла: он согласился с ней только для того, чтобы доставить удовольствие.

Когда ей исполнилось одиннадцать лет, она узнала истинную причину ненависти ее матери к шотландцам: один из них был ее мужем.

Глава 1

Шотландия, 1200 год

Будучи чем-нибудь недоволен, Йан Мэйтленд становился злым как черт.

А как раз сейчас он и был недоволен. Настроение его испортилось в ту самую минуту, когда брат Патрик сообщил ему об обещании, данном своей милой жене Фрэнсис Кэтрин.

Если Патрик и хотел изумить брата, то, несомненно, достиг своей цели. Выслушав его, Йан потерял дар речи.

Но ненадолго. Гнев тут же взял верх над изумлением. По правде говоря, в ярость Йана привело не столько то, что Патрик дал жене это смехотворное обещание, сколько то, что он созвал совет, чтобы получить официальное одобрение. Йан никогда не позволил бы брату втягивать старейшин в дело, которое считал чисто семейным, но на тот момент его не было в поместье – он гонялся за ублюдками из клана Маклинов, захватившими в плен троих неопытных воинов клана Мэйтлендов, а когда вернулся домой – усталый, но с победой, – уже ничего нельзя было исправить.

Ну что ж, это было вполне в духе Патрика: простейший вопрос запутать до дьявольской сложности. Юноша явно не продумал всех последствий своего опрометчивого поступка. Поскольку совсем недавно Йан был избран лэрдом клана, все ждали, что он поступится своей любовью к близким и долгом перед ними и будет действовать исключительно в интересах совета.

Оправдывать эти ожидания Йан, естественно, не собирался. Он в любом случае встанет на сторону брата, как бы ни противились этому старейшины, и не позволит наказывать Патрика. Он даже готов сражаться, если возникнет такая необходимость.

Своими истинными намерениями Йан не поделился с братом по той простой причине, что хотел заставить Патрика помучиться от неопределенности. Пройдя сквозь подобное испытание, Патрик, возможно, научится проявлять хоть немного выдержки.

Пятеро членов совета уже собрались в Большом зале, чтобы выслушать прошение Патрика, когда Йан покончил наконец с делами и взошел на холм. Патрик стоял посреди внутреннего двора замка, широко расставив ноги. Судя по его виду, он был готов к бою. Лицо его было мрачнее тучи, ладони сжаты в кулаки.

На Йана ярость брата не произвела ни малейшего впечатления. Он оттолкнул Патрика в сторону, когда тот попытался загородить ему дорогу, и направился к лестнице, ведущей в центральную часть замка.

– Йан! – крикнул ему вслед Патрик. – Ты со мной или против меня? Я спрашиваю тебя об этом сейчас, потому что хочу выяснить твою позицию прежде, чем мы войдем в Большой зал.

Йан остановился, медленно повернул голову и посмотрел на брата. Лицо его полыхало гневом, однако голос звучал на удивление мягко.

– А я хотел бы знать, Патрик, ты нарочно пытаешься меня спровоцировать, задавая такие вопросы?

Патрик смутился.

– Я не хотел тебя оскорбить, но ты же новый лэрд, и Совет устроит тебе сегодня проверку. Только сейчас мне стало понятно, в какое неловкое положение я тебя поставил.

– Ты передумал?

– Нет. – Патрик подошел к брату. – Я знаю, ты был против того, чтобы я обращался в совет, а тем более сейчас, когда ты пытаешься склонить их к союзу с Дунбарами против Маклинов, но моя жена вознамерилась получить благословение совета во что бы то ни стало. Она желает, чтобы ее подругу встретили здесь приветливо.

Йан ничего не ответил брату.

– Я знаю, что тебе не понять, почему я дал жене такое обещание, но когда-нибудь, встретив в жизни свою единственную женщину, ты все поймешь, – продолжил Патрик с еще большей настойчивостью.

Йан в отчаянии покачал головой.

– Клянусь богом, Патрик, не пойму никогда! Нет на свете такого существа – единственная женщина. Все они одинаково хороши.

Патрик рассмеялся.

– Я и сам так думал – до тех пор пока не встретил Фрэнсис Кэтрин.

– Ты говоришь сейчас не по-мужски, – усмехнулся Йан.

Колкость брата не обидела Патрика. Ему верилось, что, хотя Йан и не может понять его любви к жене, когда-нибудь, с Божьей помощью, и он обретет свою единственную и вручит ей свое сердце. И когда этот день настанет, Патрик напомнит Йану об их сегодняшнем разговоре.

– Дункан сказал, что, возможно, они захотят допросить мою жену, – сообщил Патрик, возвращаясь к теме, которая заботила его сейчас больше всего. – Тебе не кажется, что старейшина просто подшутил надо мной?

– Члены совета никогда не шутят, Патрик. И тебе это известно так же хорошо, как и мне, – ответил Йан, не поворачивая головы.

– Проклятье! И во всем этом виноват я сам! – воскликнул Патрик.

– Да, это так, – подтвердил Йан.

Патрик не обратил внимания на то, как быстро на этот раз согласился с ним брат.

– Я не позволю совету запугать Фрэнсис Кэтрин, – решительно заявил он.

Йан вздохнул.

– И я тоже.

Патрик был настолько потрясен ответом брата, что даже перестал хмуриться.

– Они считают, что смогут заставить меня изменить свое решение, – сказал он. – Запомни, что бы они ни предприняли, это ничего не изменит. Я дал Фрэнсис Кэтрин слово и намерен сдержать его. Клянусь богом, Йан, я бы прошел и сквозь адский огонь ради своей жены.

Йан обернулся. На губах его играла улыбка.

– Пока что от тебя требуется только пройти в Большой зал. – В голосе его звучала насмешка. – И давай покончим с этим.

Патрик кивнул и, поспешно обогнав брата, распахнул перед ним одну из дверных створок.

– Мой тебе совет, Патрик, – сказал Йан, прежде чем они вошли в зал. – Оставь гнев за этой дверью. Стоит им только увидеть, что ты разъярен, как они сразу же вцепятся тебе в глотку. Изложи свои доводы ровным и спокойным голосом. Пусть твоими поступками руководит разум, а не сердце.

– А как же все остальное?

– Остальное предоставь мне.

Десять минут спустя совет принял решение послать гонца за Фрэнсис Кэтрин. Поручение это досталось молодому Шону. Жену Патрика он застал дома сидящей у камина и сообщил ей, что она должна идти к замку и ждать у дверей до тех пор, пока муж не проводит ее внутрь.

Сердце Фрэнсис Кэтрин готово было выпрыгнуть из груди. Патрик предупреждал, что, возможно, ее призовут на заседание совета, но она не поверила ему. Где это видано, чтобы женщина свободно высказывала свое мнение непосредственно перед советом или лэрдом? Ее ничуть не успокаивало то, что новым лэрдом был избран старший брат ее мужа. Нет, в подобных делах родственные узы не значат ровным счетом ничего.

Страшные мысли мелькали в сознании Фрэнсис Кэтрин. Невероятное волнение охватило ее душу. Наверное, старейшины подумают, что она свихнулась. Да, решила Фрэнсис Кэтрин, Патрик рассказал им об обещании, которое дал ей, и поэтому теперь ее вызывают в Большой зал, чтобы все объяснила сама. Хотят убедиться, прежде чем приговорить до конца дней к одиночеству, что она действительно лишилась рассудка.

Ее единственной надеждой был лэрд. Фрэнсис Кэтрин не очень хорошо знала Йана Мэйтленда. За два года замужества она едва ли перебросилась с ним и полсотней слов. Патрик заверял ее, что Йан – человек достойный и скорее всего сочтет ее просьбу справедливой.

Но сначала ей придется выступить перед советом. Поскольку это будет официальное заседание, то старейшины не станут обращаться непосредственно к ней. Они будут задавать вопросы своему главе, Грэхему, и только ему одному придется унизиться до разговора с ней. В конце концов, она женщина, и вдобавок посторонняя, так как родилась и выросла в приграничных землях, а не в славных горах Шотландии. Фрэнсис Кэтрин даже испытывала облегчение от того, что только Грэхем будет задавать ей вопросы, потому что боялась его меньше, чем всех остальных старейшин. Старый воин был сладкоречив, и клан относился к нему с большим уважением. Он пробыл лэрдом свыше пятнадцати лет и ушел с этого высокого поста всего три месяца назад. Грэхем не станет ее запугивать, по крайней мере нарочно, но использует все остальные доступные ему приемы, чтобы заставить Патрика отказаться от данного ей обещания.

Фрэнсис Кэтрин быстро перекрестилась и начала свой путь к замку, при этом непрерывно молясь. Она убеждала себя в том, что сможет выдержать выпавшее на ее долю испытание и все равно не отступит! Патрик Мэйтленд дал ей это обещание в тот день, когда она согласилась выйти за него замуж, и, видит бог, он намерен его сдержать.

Их благополучие, их семейное счастье, их жизнь зависели от этого.

Фрэнсис Кэтрин добралась до верхней ступеньки лестницы и замерла в ожидании. Мимо нее прошествовали несколько женщин, и каждая с любопытством поглядела в ее сторону. Фрэнсис Кэтрин не собиралась вступать с ними в разговор. Она стояла, отвернувшись к стене, и молилась, чтобы только никто не окликнул ее в этот миг. Ей не хотелось, чтобы женщины клана узнали обо всем прежде, чем кончится заседание совета. В противном случае они наверняка поднимут шум, и успокоить их будет очень трудно.

Однако, судя по всему, слишком долгого ожидания ей не выдержать. Агнес Керри, старая курица, всегда державшая нос по ветру в расчете на то, что ее хорошенькая дочь со временем станет невестой лэрда, уже два раза обошла по кругу двор замка, вынюхивая, что же все-таки здесь происходит, а несколько ее компаньонов подошли почти вплотную к лестнице.

Трясущимися руками Фрэнсис Кэтрин расправила складки пледа на своем вздувшемся животе и попыталась подавить приступ накатившего страха. Обычно эта девушка не чувствовала себя такой робкой и неуверенной, но с тех пор, как забеременела, поведение ее резко изменилось. Будущая мама сделалась ужасно ранимой и плакала по каждому, пусть даже и самому незначительному, поводу. Да и может ли улучшиться настроение от того, что ты чувствуешь себя толстой и неуклюжей, как раскормленная кобыла? Фрэнсис Кэтрин была уже на седьмом месяце, и это обстоятельство значительно замедляло темп ее жизни. Однако мысль ее работала с прежней скоростью. Стоя лицом к стене, девушка пыталась догадаться, какие вопросы задаст ей сегодня Грэхем.

Наконец скрипнула дверь, и на пороге показался Патрик. Увидев его, Фрэнсис Кэтрин испытала такое облегчение, что чуть было не расплакалась. Патрик был хмур, но увидев, насколько бледна и встревожена его жена, все же заставил себя улыбнуться, взял ее за руку и, погладив по ладошке, ободряюще подмигнул. Столь необычайное проявление нежности при свете дня действовало на нее не менее успокаивающим образом, чем почесывание спинки на ночь.

– О, Патрик, – выпалила она, – я так сожалею, что из-за меня тебе приходится переносить все эти тяготы.

– Означает ли это, что ты освобождаешь меня от данного тебе обещания? – спросил он своим густым, низким голосом, который ей так нравился.

– Нет, – послышалось в ответ.

Ее прямолинейность рассмешила Патрика.

– Я так и думал, – сказал он с улыбкой.

Но Фрэнсис Кэтрин было не до шуток. Ей нужно было максимально сосредоточиться перед предстоящим испытанием.

– Он уже там? – прошептала она чуть слышно.

Патрик понимал, о ком идет речь. Для него не являлось тайной, что Фрэнсис Кэтрин испытывает страх перед его братом. Вероятно потому, думал он, что Йан – лэрд всего клана, а количество одних только воинов в клане уже перевалило за три сотни. Власть, которой обладал Йан в настоящий момент, поднимала его в глазах женщины на недостижимую высоту.

– Пожалуйста, ответь мне, – умоляющим голосом попросила Фрэнсис Кэтрин.

– Да, дорогая, Йан уже там.

– Значит, он уже знает про обещание? – Ее вопрос был верхом наивности. И она сама это поняла еще до того, как муж успел открыть рот. – О господи, конечно же, знает! Он сердит на нас?

– Любимая, все будет в порядке, – пообещал Патрик и подтолкнул ее к двери.

Фрэнсис Кэтрин помедлила и робко спросила:

– А как же совет, Патрик? Как они восприняли твои объяснения?

– До сих пор брызжут слюной.

– О боже! – Бедную девушку вновь охватил ужас.

Патрик понял, что не стоило ей сейчас говорить правду, обнял жену за плечи, и прижал к груди и прошептал:

– Все образуется. Вот увидишь. Если даже понадобится идти пешком в Англию за твоей подругой, я пойду. Ты веришь мне?

– Да, верю! Я не вышла бы за тебя замуж, если бы целиком и полностью не доверяла тебе. Ах, Патрик, ты же понимаешь, как все это важно для меня?

Он поцеловал ее в лоб.

– Понимаю. Но сначала пообещай мне кое-что.

– Все, что угодно.

– Когда приедет твоя подруга, ты снова начнешь шутить и смеяться?

– Обещаю, – улыбнулась Фрэнсис Кэтрин и еще крепче прижалась к груди мужа. Целую минуту они простояли обнявшись. Патрик тянул время, чтобы позволить супруге собраться с духом. Фрэнсис Кэтрин же в эти минуты мысленно подбирала слова, которые ей могут понадобиться во время ответов на вопросы старейшин.

Какая-то женщина, пробежавшая мимо с полной корзиной выстиранного белья в руках, на мгновение приостановилась и улыбнулась влюбленной парочке.

Патрик и Фрэнсис Кэтрин действительно были завидной парой. Он – брюнет, она – блондинка. Оба красивые. Оба высокие. Рост Патрика достигал полных шести футов, и макушка жены едва доходила ему до подбородка. И все же когда Патрик становился рядом со старшим братом, то казался человеком среднего роста, потому что лэрд был выше его на несколько дюймов. А вот в чем Патрик несколько не уступал брату, так это в ширине плеч. Волосы его имели тот же каштановый оттенок, что и у Йана, а серые глаза были чуть темнее. И еще одно обстоятельство разнило братьев: лицо Патрика не украшало такое количество боевых шрамов.

Фрэнсис Кэтрин была столь же хрупка, сколь крепок был ее супруг. Когда она смеялась, в ее красивых карих глазах вспыхивали задорные искорки, однако подлинным ее сокровищем

по праву считались волосы. Ровной золотистой волной ниспадали они до самой талии, и ни единый завиток не нарушал их божественного великолепия.

Поначалу Патрик, будучи неумолимым охотником за женщинами, был очарован лишь внешностью Фрэнсис Кэтрин, однако вскоре был покорен и ее необычайным умом. Эта женщина стала для него подлинным сокровищем. Ее взгляды на жизнь были на редкость категоричными, а кроме того, в ней постоянно пылала страсть ко всему новому и прекрасному. Для нее существовала лишь полная мера во всем: в любви и ненависти, в жизни и смерти...

Фрэнсис Кэтрин вздрогнула, и Патрик решил, что настала пора войти в замок и покончить наконец с этим испытанием.

– Пойдем, дорогая. Нас ждут, – сказал он тихо.

Бедняжка глубоко вздохнула, отстранилась от его могучей груди и ступила на порог. Патрик догнал ее и пошел рядом.

Они уже почти подошли к лестнице, ведущей вниз, в Большой зал, когда Фрэнсис Кэтрин вновь прижалась к груди мужа и прошептала:

– Твой двоюродный брат Стивен сказал мне однажды, что, когда Йан сердится, его суровое лицо способно остановить биение человеческого сердца. Нам и в самом деле надо сильно постараться, чтобы не рассердить его, да, Патрик?

Патрик не рассмеялся только потому, что вопрос этот был задан с невероятной серьезностью.

– Фрэнсис Кэтрин, твои страхи совершенно беспочвенны. С ними надо что-то делать. Мой брат...

Она схватила его за руку.

– Потом... потом придумаем, что с ними делать. Но сейчас просто пообещай мне не сердить его.

– Ладно, – вздохнул Патрик. – Мы не будем сердить Йана.

Она тотчас же выпустила его руку. Патрик укоризненно покачал головой и решил, что, как только Фрэнсис Кэтрин почувствует себя лучше, надо будет и в самом деле найти способ помочь ей избавиться от этого глупого страха, а заодно и поговорить со Стивеном. При первом же удобном случае он отведет двоюродного брата в сторонку и потребует, чтобы тот перестал рассказывать женщинам всякие возмутительные басни.

Йана легко было сделать героем подобных легенд. Он нечасто вступал в разговоры с женщинами за исключением тех редких случаев, когда как лэрд клана вынужден был отдавать им какие-либо особые распоряжения. Его резкие манеры зачастую расценивали как проявление гнева. Стивен знал, что большинство женщин при встрече с Йаном трепещут от страха, и находил для себя весьма забавным подстегивать в них время от времени этот страх...

Йан стоял у камина – в гордом одиночестве, плотно скрестив руки на могучей груди. Лицо его пылало гневом и казалось жарче огня в камине.

Едва Фрэнсис Кэтрин увидела это лицо, как тут же споткнулась о ступеньку лестницы. Лишь в последнее мгновение Патрик успел протянуть руку и удержать ее за плечи.

Йан заметил ее страх, но решил, что девушка боится совета. Он повернулся лицом к старейшинам и дал Грэхему знак начинать заседание. Чем быстрее завершится эта схватка, тем скорее его невестка сможет обрести спокойствие.

Старейшины молча смотрели в сторону Фрэнсис Кэтрин. Их было пятеро, и за столом они располагались согласно их росту. Самый старый из них, Винсент, был также и самым низкорослым. Он сидел на противоположном от Грэхема конце стола. Между ними восседали Дункан, Джелфрид и Оуэн.

Волосы старейшин были убелены сединой, а всех их шрамов хватило бы на то, чтобы покрыть ими сверху донизу каменные стены замка. Фрэнсис Кэтрин сосредоточила свое внимание на Грэхеме. Мелкие морщины разбегались во все стороны из уголков его глаз. Девушке

хотелось верить, что они появились за долгие годы жизни от смеха. Эта мысль вселяла в нее надежду на то, что предводитель с пониманием отнесется к ее проблеме.

– Только что твой супруг рассказал нам поразительную историю, – начал Грэхем. – Нам стоило большого труда поверить в ее правдоподобность.

И кивнув, дабы придать больший вес последним своим словам, предводитель замолчал. Фрэнсис Кэтрин засомневалась, следует ли отвечать сейчас же или нужно немного подождать. Взглянув на Патрика и увидев, что тот одобрительно кивает ей в ответ, она начала:

– Мой супруг не мог рассказать вам ничего, кроме правды.

Старейшины нахмурились. Лишь один Грэхем улыбнулся и продолжил ласковым голосом:

– Будь добра, объясни нам, почему ты требуешь, чтобы он сдержал свое обещание.

Фрэнсис Кэтрин обиделась не меньше, чем если бы Грэхем вдруг заорал на нее. Она понимала, что тот употребил слово «требуешь» как прямое оскорбление.

– Я – женщина, и никогда в жизни не осмелилась бы требовать чего-либо от своего мужа. Я могу его только просить, и вот теперь я прошу Патрика сдержать данное мне слово.

– Прекрасно. – Голос Грэхема все еще был ласков. – Ты не требуешь, ты просишь. А теперь я бы хотел, чтобы ты изъяснилась совету основания для столь возмутительной просьбы.

Фрэнсис Кэтрин вздрогнула: значит, «возмутительной» – и, чтобы успокоиться, сделала глубокий вдох, затем продолжила:

– Прежде чем дать согласие выйти замуж за Патрика, я попросила его пообещать мне, что он привезет к нам в гости мою самую лучшую подругу, леди Джудит Элизабет, в том случае, если я буду ждать ребенка. И вот срок моей беременности уже почти подходит к концу. Патрик готов выполнить свое обещание, и мы оба хотим, чтобы это совершилось как можно скорее.

Судя по выражению лица Грэхема, было ясно, что он ничуть не удовлетворен ее объяснением.

– Леди Джудит Элизабет – англичанка. Для тебя это не имеет никакого значения? – поинтересовался предводитель, предварительно прочистив горло.

– Нет, милорд, абсолютно никакого.

– Ты полагаешь, что выполнение обещания важнее интересов клана? Представляешь, какую смуту оно внесет в нашу жизнь? Ты этого хочешь?

– Нет, я не хочу совершить ничего подобного, – покачала головой Фрэнсис Кэтрин.

На лице Грэхема отразилось облегчение.

«Он явно решил, что нашел способ заставить меня отказаться от своей просьбы», – подумала девушка. Следующие слова предводителя подтвердили ее подозрение.

– Рад слышать это, Фрэнсис Кэтрин. – Грэхем замолчал и кивнул четверке старейшин. – Я ни секунды не сомневался в благонамеренности этой девушки. И теперь нам остается пожелать ей, чтобы она поскорее забыла всю эту...

Фрэнсис Кэтрин не позволила ему закончить фразу и твердо заявила:

– Леди Джудит Элизабет не вызовет никакой смуты.

Плечи Грэхема поникли. Не такое уж это легкое дело – заставить Фрэнсис Кэтрин отказаться от своего плана. Он снова повернулся к ней лицом и нахмурил брови:

– Послушай, девушка, в этих краях еще никогда не принимали англичан. Этой особе придется делить с нами трапезу...

Чей-то кулак с грохотом опустился на крышку стола. Подобную несдержанность проявил воин по имени Джелфрид. Он уставился на Грэхема и прохрипел угрожающим голосом:

– Своей просьбой жена Патрика позорит имя Мэйтлендов!

Глаза Фрэнсис Кэтрин наполнились слезами. Она вновь почувствовала, что ее охватывает паника. Ни одного разумного довода в ответ на заявление Джелфрида не приходило ей в голову.

Патрик сделал шаг вперед и заслонил собой жену. Его голос дрожал от гнева:

– Джелфрид, ты имеешь право выражать свое неудовольствие, но не смеешь повышать голос на мою жену.

Фрэнсис Кэтрин выглянула из-за плеча мужа, чтобы увидеть, как Джелфрид отреагирует на его слова. Но в это время Грэхем сделал жест рукой, повелевающий всем замолчать.

Винсент, самый старый из присутствующих в зале, этот жест проигнорировал.

– Никогда прежде мне не приходилось встречать женщин, носящих одновременно два полных имени. Пока к нам не прибыла Фрэнсис Кэтрин. Вначале я подумал, что это странность, присущая людям, родившимся неподалеку от границы, но вот теперь слышу еще об одной женщине с двумя полными именами. Тебе это не кажется странным, Грэхем?

Предводитель вздохнул. Мысли Винсента время от времени уходили куда-то в сторону, но с этой привычкой, раздражающей многих, приходилось как-то мириться.

– Не знаю, что и думать, – ответил Грэхем. – Но мы сейчас говорим не об этом. Я еще раз спрашиваю: ты хочешь внести смуту в нашу жизнь? – снова обратился он к Фрэнсис Кэтрин.

Прежде чем ответить, девушка сделала шаг вперед, чтобы не отвечать из-за спины Патрика и не выглядеть трусихой.

– Не понимаю, почему вы считаете, что леди Джудит Элизабет внесет в нашу жизнь какую-то смуту. Она добрая и благовоспитанная женщина.

Грэхем замолчал и опустил глаза. Прошло полминуты, прежде чем он заговорил снова.

– Фрэнсис Кэтрин, мы не любим англичан. Ты не могла не заметить это за те годы, что провела вместе с нами. – В голосе его прозвучала насмешка.

– Она выросла на границе, – напомнил Джелфрид предводителю, почесывая заросшую бородой челюсть. – Наверное, ей трудно это понять.

Грэхем кивнул в знак согласия. Неожиданно в глазах его мелькнула какая-то догадка. Он повернулся к своим соратникам и, подавшись вперед, о чем-то тихо заговорил, а когда закончил, все дружно закивали.

У Фрэнсис Кэтрин сжалось сердце. Судя по торжествующему виду Грэхема, можно было понять, что предводитель нашел способ отказать в ее просьбе, не спрашивая согласия у лэрда.

Очевидно, Патрик подумал о том же. Его лицо потемнело от гнева. Он снова сделал шаг вперед. Жена схватила его за руку. Она понимала, что супруг решил во что бы то ни стало сдержать данное ей обещание, но не хотела, чтобы он выступал против совета, за что мог быть сурово наказан. А для такого гордого и сильного человека, как Патрик, подобное унижение было бы просто невыносимым.

Она изо всех сил стиснула его руку.

– Вы думаете, что раз мне этого не понять, то вы можете сами решать, что для меня лучше, а что нет. Не так ли?

Грэхема потрясла проницательность Фрэнсис Кэтрин, позволившая ей разгадать, что у него было на уме. Не успел он ответить на ее вызов, как вновь заговорил Патрик:

– Нет, Грэхем не может решать, что для тебя лучше. Этим он нанесет оскорбление мне, жена!

Предводитель внимательно посмотрел на юношу и произнес с нажимом:

– Ты подчинишься решению нашего совета, Патрик.

– Один из Мэйтлендов дал слово, и это слово следует сдержать! – раздался вдруг громозвучный голос Йана.

Все разом повернулись к нему. Неотрывно сверля взглядом главу совета, лэрд произнес повелительным голосом:

– Не пытайтесь запутать дело. Патрик дал своей жене обещание, и оно должно быть выполнено.

В зале воцарилось молчание. Затем поднялся Джелфрид. Опершись ладонями о крышку стола, он наклонился вперед и гневно уставился на Йана:

– Ты здесь только советник, не более.

Йан пожал плечами.

– Я – ваш лэрд. Вы сами избрали меня, и теперь я советую вам с уважением отнестись к слову моего брата. Только англичане способны нарушать клятвы, Джелфрид, но не шотландцы.

– Тут ты прав, – кивнул Джелфрид.

«Один готов, осталось еще четверо», – подумал Йан. Проклятье! Он терпеть не мог всю эту дипломатию. Кулачный бой был ему куда более по нраву, чем словесный. Да еще вдобавок приходится выпрашивать у кого-то разрешения на свои действия и на действия брата. Усилием воли подавив в себе раздражение и сосредоточившись на стоящей перед ним задаче, он вновь посмотрел на предводителя.

– Разве ты уже настолько стар, Грэхем, что проявляешь такое беспокойство по столь незначительному поводу? Неужели одна-единственная англичанка способна нагнать на тебя столько страха?

– Конечно, нет, – возмутился Грэхем. – Ни одна женщина в мире не способна нагнать на меня страх!

Йан ухмыльнулся:

– Рад это слышать. А то я уж было начал сомневаться в этом.

Ирония лэрда не осталась незамеченной. Грэхем улыбнулся:

– Ты поставил добротную приманку, Йан, и мое высокомерие загнало меня в твою ловушку.

Йан не произнес ни слова в ответ на это признание. Продолжая улыбаться, Грэхем вновь повернулся к Фрэнсис Кэтрин:

– Но нас все же смущает твоя просьба, и мы хотели бы выслушать убедительное объяснение, зачем тебе понадобилось приглашать сюда эту женщину.

– Пусть сначала она объяснит, почему они обе носят по два имени, – перебил его Винсент. Грэхем пропустил мимо ушей замечание старейшины.

– Объясни, пожалуйста, девушка, в чем тут причина? – настаивал тот.

– Мне дали имя матери – Фрэнсис – и имя бабушки – Кэтрин, потому что... – начала было девушка.

Грэхем прервал ее взмахом руки. Он все еще продолжал улыбаться, чтобы никто не мог подумать, будто жена Патрика вызывает у него раздражение.

– Нет-нет, я не хочу знать, почему у тебя оказалось два имени. Я хочу, чтобы ты объяснила, почему ты просишь привезти сюда эту англичанку.

Фрэнсис Кэтрин залилась краской, смутившись, оттого что неправильно поняла вопрос.

– Леди Джудит Элизабет – моя подруга. Я бы хотела, чтобы она была рядом со мной, когда мне придет срок рожать. И она уже пообещала, что приедет ко мне.

– Подруга-англичанка? Как это могло случиться? – удивился Джелфрид и, озадаченный таким противоречием, поскреб подбородок.

Фрэнсис Кэтрин понимала, что у него нет желания посмеяться над ней. Старый воин действительно был сбит с толку. Что бы она сейчас ему ни ответила, он все равно не поймет ее. По правде сказать, Патрик тоже не до конца представлял, на чем основываются те узы, которые связали их с Джудит так много лет назад, а ведь ее муж не был таким закосневшим ретроградом, как эти старейшины. И все же ей придется попытаться объяснить им.

– Еще в детстве мы познакомились с ней на традиционном летнем празднике, – начала она. – Джудит было всего четыре года, а мне – пять. Тогда мы еще не понимали, что... чем-то отличаемся друг от друга.

Грэхем шумно вздохнул.

– А когда поняли?

– Тогда это уже не имело значения, – улыбнулась Фрэнсис Кэтрин.

Предводитель покачал головой и произнес:

– Я все равно не понимаю этой дружбы. Однако наш лэрд прав, напомнив нам о нерушимости наших клятв. Твоя подруга будет принята здесь, Фрэнсис Кэтрин.

Мгновенно ослабев от охватившей ее радости, девушка прислонилась к плечу мужа, затем обвела взглядом остальных членов совета. Винсент, Джелфрид и Дункан улыбались, но Оуэн, старейшина, который, как ей казалось, проспал всю беседу, теперь сидел и качал головой, глядя на нее.

Это заметил Йан и удивленно спросил:

– Ты не согласен с таким решением, Оуэн?

– Согласен, но думаю, нам не следует всерьез обнадеживать эту девушку. Я на твоей стороне, Йан, ибо знаю по собственному опыту, что англичане не способны выполнять свои обязательства. И здесь они, безусловно, следуют привычкам своего короля. Этот негодяй меняет решение каждую минуту. Англичанка с двумя именами, возможно, и дала обещание жене Патрика, но скорее всего и она не сдержит слова, – ответил старейшина, продолжая смотреть на Фрэнсис Кэтрин и покачивать головой.

Йан одобрительно кивнул. Он давно уже задавал себе вопрос, когда же наконец совет придет к подобному выводу. Теперь старейшины выглядели куда менее удрученно. Но и Фрэнсис Кэтрин тоже продолжала улыбаться. По-видимому, она совершенно исключала возможность того, что ее подруга не сдержит своего обещания. Йан чувствовал на себе бремя огромной ответственности, ибо был обязан защищать всех и каждого из членов своего клана. Но не в его силах было защитить невестку от грубой реальности жизни. Несомненно, ей придется пережить свое разочарование, но, получив столь серьезный урок, она поймет наконец, что впредь может рассчитывать только на свою семью.

– Йан, кого ты пошлешь с этим поручением? – поинтересовался Грэхем.

– Ехать должен я, – заявил Патрик.

Йан покачал головой.

– Твое место сейчас подле жены. Приближается ее срок. Поеду я.

– Но ты же лэрд, – возразил Грэхем. – Негоже тебе...

Йан не дал ему закончить.

– Это семейное дело, Грэхем. Поскольку Патрик в настоящий момент не может оставить жену, я должен взять на себя его обязанности. Это мое окончательное решение, – прибавил он и нахмурил брови, чтобы положить конец дальнейшим спорам.

– Никогда прежде не встречался с подругой жены, Йан, – улыбнулся Патрик, – но не сомневаюсь, что, завидев тебя, она тут же передумает ехать к нам.

– О нет, наоборот: Джудит Элизабет будет рада такому провожатому, как Йан! – воскликнула Фрэнсис Кэтрин и с улыбкой на губах повернулась к лэрду. – Она ничуть не испугается вас, я в этом уверена. Спасибо, что согласились на это путешествие. С вами Джудит будет чувствовать себя в безопасности.

Услышав последнее замечание, Йан вскинул брови, после чего грустно вздохнул.

– Фрэнсис Кэтрин, я же, в отличие от тебя, твердо уверен, что она по собственной охоте ни за что не приедет сюда. Ты хочешь, чтобы я ее заставил приехать силой?

Поскольку в это время Фрэнсис Кэтрин смотрела на Йана, не заметила, как Патрик коротко кивнул брату.

– Нет-нет, вы не должны заставлять ее ехать силой. Она сама, сама захочет этого... Поверьте мне!

И Патрик, и Йан отказались от дальнейших попыток предостеречь девушку от чересчур радужных надежд. Грэхем вежливо позволил Фрэнсис Кэтрин покинуть заседание. Патрик взял ее под руку и повел к выходу.

Фрэнсис Кэтрин не терпелось оказаться за дверью, чтобы можно было наконец обнять мужа и сообщить ему, как она счастлива, что вышла за него замуж. Он был так... великолепен, защищая ее. Конечно, она никогда и не сомневалась в нем, но ей все же не терпелось высказать ему свое восхищение, которое, как она считала, он с удовольствием выслушает. Мужья ведь нуждаются в том, чтобы жены их иногда хвалили, не так ли?

Они почти уже дошли до верхней ступеньки, когда до ее слуха вдруг донеслось имя Маклинов, произнесенное Грэхемом. Фрэнсис Кэтрин замедлила шаг и прислушалась. Патрик легонько подтолкнул ее вперед, но она сбросила с ноги башмачок и жестом велела ему принести его. Не важно, что муж сочтет ее неуклюжей. Ей было любопытно послушать, о чем идет спор там, внизу. Голос Грэхема звучал так сердито!

Совет не обратил на их задержку никакого внимания. Слово взял Дункан.

– Я против какого-либо союза с Дунбарами. Не нужны они нам, – почти выкрикнул он.

– А если Дунбары объединятся с Маклинами? – спросил Йан дрожащим от ярости голосом. – Забудь о прошлом, Дункан. Подумай о последствиях.

Затем заговорил Винсент:

– Почему обязательно Дунбары? Они скользкие, как свежесловленный лосось, и подлые, как англичане. Я не могу одобрить эту идею. Никак не могу.

Йан с трудом сдерживал нетерпение.

– Смею напомнить вам, что земли Дунбаров лежат между землями Маклинов и нашими землями. И если мы не объединимся с ними, они с тем же успехом будут искать защиты у этих ублюдков Маклинов. Мы не можем этого допустить. Нам придется выбирать между плохим и худшим.

Фрэнсис Кэтрин не удалось дослушать этот спор до конца. Патрик надел ей на ногу башмачок и снова потянул к двери.

К этому моменту она уже совершенно забыла о своем недавнем намерении похвалить мужа. Как только дверь за ними закрылась, Фрэнсис Кэтрин повернулась к Патрику и спросила:

– Почему Мэйтленды ненавидят Маклинов?

– Эта вражда уходит своими корнями в далекое прошлое, – ответил он. – Когда она вспыхнула впервые, меня еще не было на свете.

– А ее можно как-то прекратить?

Патрик пожал плечами.

– Почему тебя интересуют Маклины?

Это ему, разумеется, невозможно было объяснить. В противном случае ей пришлось бы нарушить обещание, данное Джудит Элизабет, а она никогда не предаст доверие своей подруги. Неоспоримо и то, что Патрику просто сделается дурно, если он когда-нибудь узнает, что лэрд Маклин – отец Джудит. Да, и это тоже следовало учитывать.

– Я знаю, что Мэйтленды враждуют с Дунбарами и с Макферсонами, но ничего не слышала о Маклинах, поэтому мне и стало любопытно, – схитрила она. – А почему мы не в ладах со всеми остальными кланами?

Патрик рассмеялся и возразил:

– Ну нет, есть несколько кланов, которые мы считаем дружественными.

Фрэнсис Кэтрин решила сменить тему и принялась расточать похвалы в адрес Патрика, как и собиралась вначале. Вскоре они добрались до дома, и после долгого прощального поцелуя Патрик повернулся к жене спиной, намереваясь вернуться в замок.

– Патрик, ты ведь не сомневаешься в моей верности? – спросила его вдруг Фрэнсис Кэтрин.

– Нисколько. – Он вновь повернулся к ней лицом.

– Я ведь всегда считалась с твоими чувствами, правда?

– Да, это так, – согласился Патрик.

– Поэтому, если бы мне стало известно что-то такое, что тебя огорчит, было бы лучше не говорить тебе об этом, да?

– Нет, лучше было бы сказать, – возразил он.

– Если я расскажу тебе это, то нарушу обещание, данное другому человеку. А этого я сделать не могу.

Патрик подошел вплотную к жене и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Что ты пытаешься от меня утаить? – спросил он серьезным голосом.

Фрэнсис Кэтрин покачала головой.

– Я не хочу, чтобы Йан силой привозил сюда Джудит, – выпалила она в надежде отвлечь внимание мужа от нежелательной темы. – Если она не захочет ехать, он не должен прибегать к силе. Пообещай мне, что так и будет!

В конце концов ей удалось заставить мужа дать такое обещание, хотя и согласился он только для того, чтобы успокоить жену. Выполнять же это обещание он не собирался. Нельзя было допустить, чтобы какая-то англичанка разбила сердце его возлюбленной. Однако ему стало не по себе от того, что пришлось солгать Фрэнсис Кэтрин, и он хмурился всю дорогу, добираясь до вершины холма.

– Надо поговорить, Йан, – окликнул он брата, едва тот появился в дверях замка.

– Проклятье, Патрик! Если собираешься рассказать об очередном обещании, данном тобой жене, то предупреждаю, что у меня нет никакого настроения тебя слушать, – прогрохотал Йан.

Патрик рассмеялся и, подождав, пока брат подойдет поближе, сказал:

– Я хочу поговорить с тобой о подруге моей жены. Мне все равно, чего будет стоить ее приезд сюда, Йан. Если понадобится, притащи ее силой. Я никому не позволю огорчать свою жену. Хватит с нее волнений из-за ребенка!

Йан двинулся к конюшням, заложив руки за спину и задумчиво наклонив голову. Патрик шагнул рядом.

– Ты ведь понимаешь, что если я силой заставлю эту женщину приехать, то скорее всего начнется война с ее семьей, а может быть, даже – если вздумает вмешаться король – и война с Англией?

Патрик посмотрел на брата, чтобы понять, что он думает по этому поводу. Йан лишь улыбнулся в ответ. Патрик покачал головой.

– Джон не станет в это вмешиваться, если не усмотрит для себя никакой выгоды. Дело только в ее семье. Они, конечно же, не позволят ей так просто отправиться в это путешествие.

– Может завариться каша, – заметил Йан.

– Это как-то изменит дело?

– Нет.

Из груди Патрика вырвался вздох.

– Когда ты отправляешься в путь?

– Завтра, на рассвете. Сегодня вечером поговорю с Фрэнсис Кэтрин. Хочу узнать как можно больше о семье этой женщины.

– Чего-то она недоговаривает, – начал было Патрик. – По пути домой она вдруг начала расспрашивать о нашей вражде с Маклинами...

И осекся. Йан смотрел на него так, будто перед ним стоял сумасшедший.

– И ты не потребовал от нее объяснений? – грозно воскликнул он.

– Все не так просто, – пояснил Патрик. – К жене следует относиться с... должной деликатностью. Со временем она сама расскажет мне о том, что ее тревожит. Надо только набраться терпения. Кроме того, я, наверное, поспешил с выводами. Просто моя жена сейчас тревожится по любому поводу...

Выражение лица Йана заставило Патрика пожалеть о том, что упомянул о странном поведении своей жены.

– Я бы поблагодарил тебя за то, что едешь в это путешествие вместо меня, да боюсь обидеть, – сказал он, чтобы сменить тему.

– Не очень-то я стремлюсь выполнить этот долг, – признался Йан. – Чтобы добраться до поместья этой Джудит Элизабет, мне понадобится семь-восемь дней, а потом еще по крайней мере восемь дней обратной дороги, да к тому же с женщиной на руках. Дьявол! Я бы лучше расправился с легионом Маклинов, вместо того чтобы выполнять это поручение.

Патрик чуть было не рассмеялся, слушая, каким унылым тоном его брат произносит эти слова. Конечно, рассмеяться он не осмелился, Йан просто бы измочалил его, если бы он посмел хотя бы улыбнуться.

Несколько минут братья шагали молча. Каждый был погружен в свои мысли.

Неожиданно Патрик остановился.

– Ты не можешь силой заставить эту женщину ехать сюда. Если она не захочет, оставь ее в покое.

– Тогда какого черта я вообще туда еду? – рассердился Йан.

– Хотя, возможно, моя жена и права, – поспешно возразил Патрик. – Может быть, леди Джудит Элизабет приедет сюда по собственной воле.

Йан гневно уставился на брата.

– По своей воле? Ты просто безумец, если веришь в это. Она англичанка! – Он помолчал и устало вздохнул. – Она не приедет сюда по собственной воле.

Глава 2

Джудит стояла на крыльце.

Конечно, обо всем она была предупреждена заранее. Два дня назад ее двоюродный брат Лукас заметил четверых шотландских воинов на расстоянии одного броска камня от пограничной переправы у Хортон-Риджа. Лукас оказался там не случайно: старательно выполнял указания тети Милисенты и провел у границы почти весь июнь. Целыми днями Лукас предавался грезам и перебирал собственные пальцы, но в конце концов все-таки засек шотландцев. Его настолько удивил вид настоящих шотландских горцев, что он чуть было не забыл о том, что ему полагается делать дальше, однако быстро опомнился и, подняв облако пыли, проскакал без остановок до самого поместья леди Джудит, чтобы сообщить: пора готовиться к приему гостей!

Приготовления отняли у Джудит не много времени. С тех пор, как сложным и запутанным путем до нее дошел слух о беременности Фрэнсис Кэтрин, она уже успела упаковать большую часть своего багажа, а также подарки для подруги, которые перевязала милыми розовыми кружевными ленточками.

Определенно, Фрэнсис Катрин могла бы выбрать и более подходящее время. Джудит только-только появилась в доме дяди Текела, чтобы провести в нем обязательные шесть месяцев в году, как вдруг пришло это известие. Теперь она уже не могла уложить вещи и вернуться обратно в дом тети Милисенты и дяди Герберта, так как это вызвало бы ненужные расспросы. Джудит не очень-то хотелось кому-либо что-либо объяснять, поэтому она припрятала багаж и подарки на чердаке конюшни и стала ждать, когда ее мать, которая, как правило, появлялась дома редко и ненадолго, соскучится и уедет снова. Сразу после ее отъезда она обсудит вопрос о путешествии в Шотландию со своим опекуном, дядей Текелом.

Старший брат матери обладал мягкими манерами, вкрадчивым голосом, будучи полной противоположностью своей сестре, леди Корнелии, в те редкие дни, которые ему удавалось проводить без выпивки. Когда же порок этот все-таки брал над ним верх, он становился злым как змей. Текел уже многие годы был инвалидом. И Джудит помнила его таким столько же, сколько помнила себя. Первое время он редко сердился на нее, даже в те вечера, когда боль в изуродованных ногах становилась невыносимой. О его страданиях девочка узнавала лишь тогда, когда дядя начинал потирать колени и приказывал слугам принести ему кубок с горячим вином. Слуги уже по опыту знали, что нужно нести сразу полный кувшин. Иногда Джудит удавалось ускользнуть в свою комнату прежде, чем дядю обуревало буйство, но бывали случаи, когда он требовал, чтобы девочка сидела рядом с ним. В такие минуты дядя Текел обычно впадал в меланхолию и, взяв ее за руку, рассказывал о прошлом, о том времени, когда был молодым и сильным воином, с которым считались и друзья, и враги. Но однажды повозка, на которой он ехал, перевернулась и раздробила его колени. Тогда дяде было всего двадцать два года. И вот теперь, когда вино заглушало боль и развязывало язык, он сидел у стола и проклинал несправедливость судьбы.

На Джудит он тоже злился, но девочка не подавала виду, насколько огорчает ее эта злость. Просто она чувствовала, как желудок ее сжимается в тугой узел, и это ощущение не проходило до тех пор, пока ее наконец не отпускали спать.

С годами пьянство Текела приобретало все более тяжелые формы. Он стал все чаще требовать вина, и с каждым выпитым кубком его настроение менялось все резче. К ночи дядя уже либо рыдал и проклинал себя, либо во всеуслышание осыпал бессвязными оскорблениями Джудит.

На следующее утро он обычно не помнил того, что говорил накануне. Джудит же помнила каждое его слово. Девушка отчаянно пыталась простить дяде Текелу его жестокость, поверить

в то, что он испытывает куда большие страдания, нежели она. Дядя Текел нуждался в ее понимании, ее сострадании.

Мать Джудит, леди Корнелия, не испытывала к брату ни малейшего сострадания. Хорошо еще, что она никогда не жила с ним дольше месяца. Уже тогда у нее было очень мало общего и с Текелом, и с собственной дочерью. Когда Джудит была еще совсем маленькой и обижалась на холодную отстраненность матери, дядя утешал племянницу, говоря ей, что она служит леди Корнелии постоянным напоминанием о ее муже, что та очень любила барона и спустя много лет все еще оплакивает его смерть. Когда она смотрит на дочь, говорил он, боль от потери вскипает в ней с новой силой, оставляя слишком мало места для прочих чувств. Поскольку тогда Текел еще не пил так сильно, у Джудит не было причин сомневаться в правдивости его объяснений. Тем не менее она не понимала подобной любви между мужем и женой, и душа ее болезненно жаждала ласки и внимания со стороны матери.

Первые четыре года жизни Джудит провела у тети Милисенты и дяди Герберта. Затем, во время своего первого в жизни приезда к матери и дяде Текелу, она случайно назвала дядю Герберта папой. Мать Джудит впала в ярость. Текелу это тоже пришлось не по душе. Он решил, что девочке следует проводить с ним и с матерью гораздо больше времени, поэтому велел Милисенте привозить Джудит каждый год и оставлять в его поместье ровно на шесть месяцев.

Текела возмутила мысль о том, что племянница считает Герберта отцом, поэтому каждое утро, когда мозг еще не был затуманен вином, он усаживал Джудит рядом с собой и рассказывал ей о настоящем отце. Длинный изогнутый меч, висящий над камином, – это тот самый меч, которым ее отец убивал драконов, дерзнувших отнять Англию у законного короля; ее благородный отец погиб, защищая жизнь своего сюзерена, рассказывал ей Текел.

И рассказы эти были бесконечными... Они давали хорошую пищу воображению. И вскоре Джудит стала считать отца святым. Ей сказали, что он умер в первый день мая, и поэтому каждый год в день его смерти девочка вставала рано утром и, собрав целый подол первых весенних цветов, устилала ими могилу отца. Она читала молитву за упокой его души, хотя, по правде говоря, ей не очень-то верилось, что отец нуждается в ее заступничестве. Конечно, ее родитель уже на небесах и так же верно служит Создателю, как верно служил своему королю, пока жил на земле.

Джудит исполнилось одиннадцать лет, когда по дороге на очередной летний праздник она узнала правду о своем отце. Оказалось, что он не погиб, защищая Англию от неверных. Этот человек даже не был англичанином! И мать ее вовсе не оплакивала мужа, а, наоборот, ненавидела его с силой, которая не убавилась ни на йоту за все эти годы. Текел раскрыл племяннице только половину правды. Джудит действительно служила матери постоянным напоминанием, о совершенной ею когда-то ужасной ошибке.

Тетя Милисента рассказала девочке всю правду. Мать Джудит вышла замуж за шотландского лэрда, чтобы отомстить отцу и королю, которые сочли того английского дворянина, которого она до этого уже присмотрела себе в женихи, недостойной партией. Леди Корнелия не привыкла к тому, чтобы ее желания не исполнялись. Она вышла замуж за шотландского горца всего через две недели после того, как встретила с ним при дворе короля в Лондоне. Больше всего Корнелии хотелось уязвить отца, и она, несомненно, добилась своей цели, но в затейной ей игре сама пострадала куда больше, чем все остальные.

Брак их продлился пять лет. Затем Корнелия вернулась в Англию и упростила брата Текела позволить ей жить у него, отказавшись поначалу объяснить, что же все-таки произошло. Позднее, когда уже было очевидно, что она ждет ребенка, Корнелия сообщила брату, что муж приказал ей убираться, как только узнал, что она беременна, что не желает видеть ни ее, ни ее ребенка.

Текелу хотелось верить сестре. Он был одинок, и ему пришла по душе идея вырастить племянницу или племянника. Вскоре родилась Джудит, но Корнелия не смогла выдержать при-

сутствия ребенка в поместье. Милисенте и Герберту удалось уговорить Текела позволить им забрать девочку к себе. Взамен им пришлось пообещать, что они никогда не расскажут Джудит правду о ее отце.

Впрочем, Милисента не собиралась выполнять это обещание – просто ждала, пока Джудит станет достаточно взрослой, чтобы все понять правильно. И когда это время настало, она усадила девочку рядом с собой и рассказала все, что знала.

У Джудит сразу же возникло множество вопросов. На многие из них Милисента не смогла дать ответ. Она даже не была уверена в том, что шотландский лэрд все еще жив. Однако имя его ей было известно. Отца Джудит звали Маклин.

Милисента никогда не встречалась с этим человеком и поэтому затруднялась описать его. Но поскольку ни внешностью, ни характером Джудит нисколько не походила на мать, она имела все основания предполагать, что светлые волосы и голубые глаза достались девочке от отца.

Все это слабо укладывалось в сознании Джудит. Ее ум был сосредоточен на той лжи, которую ей рассказывали все эти годы. Весть о предательстве нанесла ей сокрушительный удар.

...Фрэнсис Кэтрин ждала подругу в условленном месте. Как только они остались одни, Джудит сразу же принялась рассказывать обо всем, что узнала несколько часов назад. Окончив свой рассказ, она горько разрыдалась, и Фрэнсис Кэтрин, обняв ее за плечи, рыдала вместе с ней.

Ни та ни другая не понимали причин обмана, а после нескольких дней обсуждения обе пришли к выводу, что причины в общем-то уже и не имеют значения.

И тогда они разработали план. Было решено, что Джудит не пойдет сейчас к матери и дяде Текелу, чтобы сообщить о том, что ей все известно. Если те узнают, что Милисента рассказала девочке правду об отце, то скорее всего впадут в ярость и заставят Джудит навсегда переехать жить к ним.

Такая перспектива привела Джудит в ужас. Тетя Милисента, дядя Герберт и Фрэнсис Кэтрин стали для нее настоящей семьей. Они были единственными людьми, которым она могла доверять без оглядки, и нельзя было позволить матери разлучить ее с ними.

Как бы это ни было трудно, Джудит все же придется проявить максимум терпения и подождать до тех пор, пока она не станет постарше. И тогда, если ей все еще будет хотеться этого, она найдет повод, чтобы отправиться в горы Шотландии и встретиться там со своим отцом. Фрэнсис Кэтрин пообещала ей помочь в этом.

Последующие годы промелькнули почти незаметно для молодой девушки, решившей бросить вызов целому миру. Фрэнсис Кэтрин была обещана в жены парню из клана Стюартов, живших на границе, но за три месяца до свадьбы Киркелди рассорились со Стюартами. Патрик Мэйтленд тут же воспользовался возникшей враждой и сделал Фрэнсис Кэтрин предложение всего через неделю после того, как был разорван союз со Стюартами.

Узнав о том, что ее подруга вышла замуж за шотландского горца, Джудит решила, что само Небо помогает ей. Она уже дала Фрэнсис Кэтрин обещание навестить ее, когда та соберется рожать. «А уж живя в Шотландии, – думала Джудит, – я найду способ встретиться со своим отцом».

Итак, завтра она отправляется в путешествие. Родственники Фрэнсис Кэтрин уже едут за ней. Единственное, что нужно было теперь сделать, это объяснить все дяде Текелу.

Хорошо, что мать уже уехала в Лондон. В доме их всегда все было вверх дном, когда леди Корнелия одаривала его своим присутствием. На этот раз сельское уединение наскучило ей гораздо раньше обычного. Она жутко любила хаос и сплетни придворной жизни, нестрогую мораль, а больше всего – интриги и тайны, сопутствующие многим любовным связям. В последнее время она положила глаз на лорда Ритча, мужа одной из своих самых близких подруг, и вот теперь гадала, как бы это затащить его в постель не позднее чем через две недели.

Джудит слышала, как мать похвалялась перед Текелом своими планами, а потом еще и смеялась над его благородным возмущением.

Никакой поступок матери уже не мог удивить Джудит. Она была благодарна судьбе за то, что ей предстоит сразиться с одним только Текелом. Дождавшись вечера накануне отъезда, она решила наконец рассказать ему о своих намерениях. О нет, Джудит вовсе не собиралась испрашивать у дяди разрешения на поездку – просто чувствовала, что будет нечестно уехать, не сказав ему об этом ни слова.

И все же ее пугало предстоящее сражение. Поднимаясь по лестнице в дядину спальню, она чувствовала, как стягивается под ложечкой уже знакомый ей узел. Джудит молилась Богу, чтобы хмельной эль вызвал сегодня вечером у дяди Текела меланхолию, а не дьявольскую злобу.

Спальня Текела утопала в темноте. Воздух здесь был затхл и сыр. В детстве Джудит всегда задыхалась, переступая порог этой комнаты. И сейчас у нее возникло похожее ощущение. Чтобы успокоиться и собраться с духом, она сделала глубокий вдох.

Единственная свеча горела на комодке рядом с кроватью Текела. Джудит с трудом сумела различить лицо дяди, скрытое пеленой мрака. В глубине ее души всегда жил страх перед возможным пожаром от свечи, которую дядя забывал задувать, погружаясь в пьяный сон.

Джудит окликнула Текела, но тот не ответил. Она подошла поближе, и только тогда Текел заметил и произнес ее имя.

Голос его звучал невнятно. Он поманил Джудит рукой и, когда та поспешно подошла к его постели, потянулся к ее ладони.

Увидев дрожащую на его губах улыбку, Джудит вздохнула с облегчением. Сегодня вечером дядя пребывал в грустном настроении.

– Посиди со мной, я расскажу тебе историю, которую только что вспомнил. Она – о тех временах, когда я ездил на битвы вместе с твоим отцом. Я говорил тебе, что, когда трубы возвещали о предстоящей схватке, он всегда пел одну и ту же балладу. Он всегда пел, когда шел на бой.

Джудит присела рядышком, на краешек стула.

– Дядя, прежде чем ты продолжишь эту историю, я хотела бы поговорить с тобой об одном важном деле.

– Разве рассказ об отце тебе неинтересен? – удивился Текел.

Джудит пропустила мимо ушей его вопрос.

– Я должна тебе сообщить кое-что.

– Что именно?

– Пообещай, что не будешь сердиться!

– Когда это я на тебя сердился? – изумился дядя, видимо, совершенно забыв о тех вечерах, когда обрушивал на нее всю свою ярость. – Скажи, что тебя тревожит, Джудит? Я буду улыбаться, слушая любые твои признания.

Она кивнула и сложила руки на коленях.

– Каждое лето твоя сестра Милисента и ее муж Герберт брали меня с собой на летний праздник. У дяди Герберта там живут родственники...

– Знаю, – перебил ее Текел. – Подай мне кубок и продолжай. Я хочу знать, почему ты раньше ничего не рассказывала об этих праздниках.

Джудит выждала, пока дядя сделает добрый глоток эля и нальет себе еще, прежде чем ответить. Боль под ложечкой все усиливалась.

– Милисента считала, что мне лучше ничего не рассказывать об этом тебе или маме, – она считала, что вы огорчитесь, узнав о моей дружбе с шотландцами.

– То, что ты говоришь, – правда, – согласился Текел и вновь отхлебнул из своего кубка. – Обычно я не одобряю подобные предубеждения, но должен заметить, твоя мать имеет все осно-

вания ненавидеть шотландцев. Мне трудно понять и то, почему ты до сих пор помалкивала насчет посещения этих летних праздников. Представляю себе, как весело ты там проводила время! Я не настолько стар, чтобы не помнить... И все же мне следует пресечь это. Ты больше не поедешь на границу!

Джудит глубоко вздохнула, пытаясь подавить всколыхнувший ее душу гнев.

– На первом же празднике, который я посетила, мне встретилась девочка по имени Фрэнсис Кэтрин Киркелди. И мы сразу же с ней подружились. Пока Фрэнсис Кэтрин не вышла замуж и не уехала из приграничного района, мы встречались каждое лето. Я дала ей одно обещание, и вот теперь настало время выполнить его. Мне надо ненадолго уехать, – закончила она почти шепотом.

Дядя Текел удивленно уставился на нее своими налитыми кровью глазами. Ему, вероятно, стоило больших усилий следить за нитью разговора.

– Что такое? – едва слышно прошептал он. – Куда это ты собираешься ехать?

– Сначала я хотела бы рассказать тебе о том обещании, которое дала своей подруге, когда мне было одиннадцать лет. – Джудит подождала, пока дядя не кивнет, после чего продолжила: – Мать Фрэнсис Кэтрин умерла во время родов, и точно так же умерла ее бабушка.

– В этом нет ничего сверхъестественного, – пробормотал дядя. – Многие женщины умирают, выполняя свой долг перед Богом и природой.

Джудит изо всех сил старалась не позволить ему сбить ее с толку проявлением такой бессердечности.

– Несколько лет назад Фрэнсис Кэтрин сообщила мне, что в действительности ее бабушка умерла через неделю после родов, и это ее весьма обнадеживает.

– Почему ее это обнадеживает?

– Потому что это значит, что ее смерть не была вызвана узостью таза.

Джудит понимала, что объяснения ее непонятны Текелу, но хмурое лицо дяди пугало ее и мешало сосредоточиться на главном.

– Все равно, именно роды ее и прикончили, – пожал плечами Текел. – И вообще ты еще пока не должна интересоваться столь интимными подробностями.

– Фрэнсис Кэтрин считает, что ей суждено умереть, – сказала Джудит. – Поэтому я и заинтересовалась всем этим.

– Продолжай, – приказал дядя, – и расскажи мне наконец об этом обещании. Только прежде налей еще немного эля...

Джудит вылила в дядин кубок остатки напитка.

– Фрэнсис Кэтрин взяла с меня слово приехать к ней, когда она соберется рожать. Ей хотелось, чтобы я была рядом, когда она будет умирать. Это была довольно незначительная просьба, и я немедленно согласилась. Обещание было дано давно, но каждое лето я подтверждала Фрэнсис Кэтрин, что не изменила своих намерений. Мне не хочется, чтобы моя подруга умерла, – прибавила Джудит. – И поэтому я постаралась узнать как можно больше о новых методах принятия родов. Тетя Милисента здорово мне помогла в этом. За последние два года она познакомила меня с несколькими опытными повитухами, которых я о многом смогла расспросить.

Откровения Джудит привели Текела в ужас.

– Ты что, воображаешь себя спасительницей этой женщины? Если Бог захочет прибрать твою подругу, то своим вмешательством ты только возьмешь грех на душу. Ты ничтожество, совершенное ничтожество, и все же смеешь считать, что в твоих силах что-то изменить? – воскликнул он с презрением.

Джудит не стала с ним спорить. Она уже настолько привыкла к его оскорблениям, что они ее почти не задевали. Однако боль в желудке давала о себе знать. Закрыв глаза и сделав еще один глубокий вдох, она ринулась в атаку.

– Срок Фрэнсис Кэтрин приближается, и ее родственники уже едут за мной. С ними я буду в полной безопасности. Уверена, что они прихватят с собой по крайней мере двух женщин для моего сопровождения, а также достаточное количество мужчин, чтобы позаботиться о моей безопасности.

Голова Текела рухнула на подушку.

– Боже правый, и ты еще спрашиваешь, можно ли тебе снова ехать на границу? А что я скажу твоей матери, когда она вернется и увидит, что тебя здесь нет?

Джудит с самого начала не собиралась спрашивать у него разрешения, но решила, что сообщать ему об этом не стоит. Дядя закрыл глаза. Казалось, он вот-вот уснет. Она понимала, что должна спешить, если хочет высказать ему все остальное до того, как он погрузится в пьяный сон.

– Я не собираюсь ехать на границу, – начала она. – Ехать я собираюсь в то место, которое называется высокогорной Шотландией, в отдаленную северную область близ Морей-Фирт.

Глаза дяди Текела округлились до невероятности.

– Даже слышать не хочу! – взревел он.

– Дядя...

Текел замахнулся и попытался ее ударить, но Джудит заранее отодвинула стул так, чтобы дядя не смог до нее дотянуться.

– Я больше не желаю обсуждать этот вопрос, – прорычал дядя. Вены на его шее вздулись и стали похожи на корабельные канаты.

Джудит собрала с духом и выдержала напор дядиного гнева.

– Но я еще не закончила, – рискнула продолжить она.

Текел потерял дар речи. Джудит всегда была таким тихим, робким ребенком. Никогда не спорила с ним. Что это вдруг на нее нашло?

– Это Милисента вбила тебе в голову все эти бредовые идеи? – прохрипел он.

– Я знаю правду о своем отце, – выпалила Джудит.

Текел прищурился, внимательно посмотрел на племянницу и потом потянулся за элем. Джудит заметила, как дрожат его руки.

– Разумеется, ты знаешь правду о своем отце. Ведь я тебе не раз рассказывал об этом прекрасном дворянине. Это был...

– Его имя – Маклин, и он живет где-то в горах Шотландии. И он вовсе не английский барон, а шотландский лэрд.

– Кто тебе сказал эту чепуху? – вздрогнул дядя Текел.

– Тетя Милисента уже давно мне рассказала, как все было на самом деле.

– Это ложь! – воскликнул он. – Зачем ты слушаешь Милисенту? Моя сестра...

– Если это неправда, почему же ты так противишься моей поездке в горную Шотландию?

– Ты никуда не поедешь, и точка. Слышишь? – Сознание его настолько уже помутилось от выпитого эля, что он даже не мог придумать более убедительного ответа.

– Даже дьявол не удержит меня от поездки к Фрэнсис Кэтрин, – твердо возразила Джудит.

– Если ты уедешь, обратно я тебя не пушу.

– Значит, я не вернусь обратно, – кивнула она.

– Ты неблагодарная сука! – заорал Текел. – Я всегда старался поступать с тобой по справедливости. Те истории о твоём отце, которые я придумал...

Он осекся. Джудит покачала головой.

– Зачем ты придумывал все эти истории?

– Я хотел дать тебе что-нибудь, на что можно опереться, видя, как относится к тебе твоя мать. Ты это знала. Я жалел тебя и пытался хоть немного облегчить твоё положение.

В этот миг Джудит почувствовала такую сильную боль в желудке, что чуть было не согнулась вдвое. Ей показалось, что стены комнаты смыкаются над ее головой.

– Я слышала, как мать говорила, что презирает дядю Герберта за то, что тот ниже ее по происхождению и в жилах его течет нечистая кровь. Те же самые чувства она испытывает и ко мне, да?

– У меня нет ответа на этот вопрос, – произнес дядя Текел усталым голосом. – Я всего лишь постарался смягчить ее отношение к тебе.

– Тот меч, что висит над камином... кому он в действительности принадлежит? – спросила Джудит.

– Мне.

– А то кольцо с рубином, которое я ношу на цепочке? – И с этими словами она вытащила из-под платья кольцо, которое обычно покоилось в ложбинке между грудями. – Оно тоже твое?

Дядя Текел презрительно фыркнул.

– Кольцо принадлежит этому ублюдку Маклину. Сложный узор вокруг камня имеет какой-то смысл, понятный только членам семьи. Уезжая, твоя мать прихватила это кольцо с собой, просто чтобы позлить Маклина.

Джудит разжала пальцы, стискивавшие кольцо.

– А как же могила?

– Могила пуста, – вздохнул Текел.

Больше вопросов у нее не было. Она посидела еще пару минут, сжимая лежащие на коленях руки в кулаки. Взглянув на дядю, она увидела, что тот уже крепко спит. Джудит вынула из его руки пустой кубок, убрала поднос с кровати и, задув свечу, вышла из спальни.

Неожиданно она поняла, что ей хочется сделать. В ее силах сегодня разрушить хотя бы одну ложь на этом свете.

Солнце уже садилось за горизонт, когда Джудит, пробежав по подъемному мосту, взобралась на холм, где располагалось кладбище. Не замедляя шага, она подбежала к пустой могиле, смела с нее увядшие цветы и ухватила за резной камень, стоящий у изголовья могильного холмика. Немало времени ушло у нее на то, чтобы вывернуть камень из твердой земли, и еще больше, чтобы окончательно повалить...

На следующее утро Джудит уже была готова к отъезду. Она не зашла в комнату дяди, чтобы попрощаться с ним.

Слуги суетились вокруг нее, наперебой стараясь угодить. До сего дня Джудит даже не представляла себе, что эти люди преданы ей гораздо больше, чем дяде. Столь единодушная поддержка ее немного смутила. Старший конюх Пол погрузил собранный багаж на выючную кобылу с глубокой седловиной и уже начал было седлать любимую лошадь Джудит – кобылу по кличке Глория с коричневыми пятнышками на крупе, – когда из замка выбежала Джейн с еще одной сумкой, полной еды, которой, по ее словам, хватит на все путешествие. Оценив объем сумки и то, с каким трудом тащила ее Джейн, Джудит пришла к выводу, что упакованной пищи хватит на то, чтобы прокормить целую армию.

Стражник Сэмюель, следивший за дорогой, криком возвестил о приближении шотландцев. Немедленно опустили мост. Джудит стояла на верхней ступеньке замковой лестницы, опустив руки, и приветливо улыбалась. Впрочем, улыбка выглядела несколько натянутой – ни с того ни с сего девушка вдруг очень занервничала.

Когда воины подъехали к подъемному мосту и лошади прогремели копытами по деревянному настилу, улыбка ее и вовсе померкла.

Тревожная дрожь пробежала по спине Джудит. Среди прибывших не было ни одной женщины. Только воины. Их было четверо, и они напоминали ей гигантских варваров. Тревога отозвалась болью в желудке, когда гости подъехали поближе и девушка смогла как следует разглядеть их лица. Ни один из них не улыбался. Боже правый, они выглядели такими враждебными!

Воины были укутаны в охотничьи пледы. Джудит было известно, что члены клана имели два вида пледов. Приглушенно-золотистые, коричневые и зеленые они надевали во время охоты на дичь или на людей, так как эти цвета легче сливались с красками леса и скрывали охотника от взора жертвы. Пледы более ярких цветов использовались во всех остальных случаях.

Голые колени воинов не удивили Джудит. Она давно уже привыкла к необычным нарядам шотландцев, поскольку все мужчины, посещавшие летний праздник, носили пледы до колен. Она даже умела различать цвета кланов. В Англии дворян различали по цвету знамен, а в Шотландии, как объяснила ей Фрэнсис Кэтрин, лэрда и его сторонников узнавали по цвету их одежды.

Чему действительно удивилась Джудит, так это суровому выражению их лиц. Ей было невдомек, почему они так сердиты. Затем она решила, что, должно быть, их просто утомило путешествие. Это было жалкое оправдание, но ничего лучшего девушка придумать не смогла.

Шотландцы подъехали к ней, но ни один воин не спешил. Трое из них выстроились в ряд позади того, кто, по предположению Джудит, являлся их предводителем. Долго, очень долго длилось молчание. Гости стояли и невежливо разглядывали хозяйку. Джудит не смогла сдержаться и так же невежливо уставилась на них, хотя в основном ее внимание было сосредоточено на предводителе. Никогда в жизни глазам ее не представлялось столь великолепное зрелище. Этот человек завораживал. Он был намного крупнее своих спутников. Его широкие плечи заслонили солнце, светившее ему в спину. Солнечные лучи создавали вокруг него радужный ореол, придавая ему непобедимый, сказочный вид.

И все же он не был героем легенд. Джудит видела перед собой человека, обладающего суровой красотой и стальными мускулами: плед, окутывавший тело предводителя, распахнулся на его левом бедре и обнажил бугор гладких мышц, выглядевших твердыми как сталь. Джудит подумала, что не пристало ей разглядывать столь интимные места, и вновь перевела взгляд на лицо предводителя. По выражению его глаз нельзя было определить, заметил ли он то, как смотрела она на его бедро. Джудит облегченно вздохнула.

«Боже, – подумала она, – я бы с удовольствием разглядывала этого человека день и ночь!» Его слегка выющиеся волосы имели щедрый темно-каштановый оттенок. Кожа обнаженных рук была того же бронзового цвета, что и лицо. И еще он обладал потрясающим профилем! О да, у этого человека была поистине героическая внешность, но наибольший интерес у Джудит вызвал цвет его глаз – прекрасных серых глаз, сверкающих подобно солнцу.

Пристальный взгляд воина приводил ее в смущение. От него исходила такая волна мощи, что у нее замерло сердце. «Господи милостивый, – думала она, – только бы этот человек не оказался мужем Фрэнсис Кэтрин!» Воин выглядел человеком непреклонным и отлично владеющим собой.

И все же было в нем что-то такое, что вызывало у Джудит чувство симпатии. «Странная реакция на шотландца», – мысленно усмехнулась она. Но еще более странным было то, что чем дольше Джудит смотрела на него, тем быстрее рассеивалась ее тревога.

«Мне предстоит чудесное приключение!» – пришла ей в голову неожиданная мысль. Смысла в ней не было никакого, да Джудит сейчас была слишком обескуражена своей реакцией на этого воина, чтобы пытаться в чем-либо искать смысл. Она понимала только то, что внезапно освободилась от всех своих страхов и почувствовала себя в безопасности. По выражению лица предводителя можно было догадаться, что ему не очень-то нравится взятая на себя обязанность, но Джудит была уверена: этот человек будет защищать ее на протяжении всего путешествия, чего бы это ему ни стоило.

Ее даже не смущало то, что среди прибывших всадников не было ни одной леди, как требовали того правила приличия. К черту условности! Ей не терпелось тронуться в путь. Она все оставит позади: ложь, обиды, предательство – все, все, все... И еще Джудит дала себе

обещание, что никогда больше не вернется в дом дяди Текела. Никогда! Даже на день, даже на час. Приезжать она будет только к тете Милисенте и дяде Герберту и, Бог свидетель, если пожелает, будет называть их матерью и отцом, и никто ей этого не запретит.

Джудит почувствовала, что еще немного, и она расхохочется, просто для того, чтобы хохотом выразить то счастье, которое переполняло ее сердце. Однако ей пришлось подавить в себе это желание, ибо шотландцы могли превратно истолковать его, решив, что девушка смеется над ними. Да и как им было понять ее? Она и сама себя понимала с трудом.

Казалось, молчание длится уже несколько часов, хотя в действительности прошло всего несколько минут. Затем Пол распахнул двери конюшни. Скрип старых петель привлек внимание воинов. Все за исключением предводителя повернули головы и посмотрели в ту сторону. Двое из них тут же потянулись к мечам. И только тогда до Джудит дошло, что воины считали себя людьми, находящимися на вражеской территории, поэтому и держались настороже, в любую минуту ожидая нападения.

Неудивительно, что они так встревожены! Теперь она поняла, почему у них такие хмурые лица. Джудит снова перевела взгляд на предводителя.

– Вы – муж Фрэнсис Кэтрин? – спросила она.

Ответа не последовало. Она уже собралась было повторить свой вопрос на гэльском языке, когда заговорил воин, стоявший за спиной у предводителя.

– Патрик остался дома со своей женой. Мы – его родственники.

Говоривший сильно картавил, и Джудит с трудом поняла его слова. Воин подал коня вперед, и, поравнявшись с предводителем, спросил:

– Вы – леди Джудит Элизабет?

Девушка улыбнулась. Никто, кроме Фрэнсис Кэтрин, никогда не прибавлял к ее первому имени второе – Элизабет. Это возродило в ее душе приятные воспоминания о минувших днях.

– Да, – ответила она. – Но вы можете называть меня просто Джудит. Скажите, пожалуйста, сэр, как поживает Фрэнсис Кэтрин?

– Толстеет, – послышалось в ответ.

Джудит рассмеялась:

– Так она и должна толстеть! Но хорошо ли она себя при этом чувствует?

Воин утвердительно кивнул.

– Мадам, мы проделали долгий путь, чтобы услышать от вас отказ ехать с нами. Будьте добры, объясните нам его причину.

У Джудит глаза округлились от изумления.

– Вы все считаете, что я с вами не поеду? – воскликнула она.

Все, как один, дружно кивнули. Джудит была поражена.

– Вы проделали весь этот путь только для того, чтобы услышать мое «нет»?

Воины вновь кивнули. Джудит не смогла удержаться от смеха.

– Вы смеетесь над нашей Фрэнсис Кэтрин, потому что она так наивно верила вашему обещанию? – сурово спросил один из воинов.

– Нет, сэр, – сквозь смех ответила она. – Я смеюсь над вами.

Сказав это, Джудит тут же подумала, что все же не следует столь прямолинейно отвечать шотландцам. Казалось, воины готовы были удавить ее.

Ей пришлось подавить свой смех.

– Прошу прощения, если оскорбила вас, сэр, – сказала она, успокоившись. – Я действительно смеялась над вами, но только самую малость. Ваши слова, видите ли, застали меня врасплох.

Однако не похоже было, чтобы ее извинения успокоили воинов.

Джудит мысленно посетовала по поводу столь неудачного начала беседы и решила начать заново.

– Как ваше имя, сэр? – спросила она у рыжеволосого воина, который так рассмешил ее минуту назад.

– Алекс, – хмуро ответил тот.

– Рада познакомиться с вами, Алекс, – улыбнулась она.

Алекс с отчаянием поднял глаза к небесам.

– Мадам, вы отнимаете у нас время, – произнес он раздраженным голосом. – Вы скажите нам свой отказ, и мы тотчас же покинем ваши земли. Можете даже не объяснять причины отказа. Достаточно будет простого «нет».

И снова воины дружно кивнули в знак согласия с говорящим. Джудит едва не подавилась от смеха.

– Боюсь, что не смогу дать вам то, на что вы так страстно надеетесь, – начала она. – Я твердо намерена сдержать слово, данное подруге. С большим нетерпением я жду встречи с Фрэнсис Кэтрин. Чем скорее мы отправимся в путь, тем лучше. Таково мое мнение. Но я, конечно же, с пониманием отнесусь к вашему желанию освежиться перед отъездом, если такое у вас имеется.

«Они поражены моими словами», – решила Джудит. Что касается Алекса, так тот выглядел просто ошеломленным. У всех остальных за исключением предводителя, который по-прежнему был спокоен и тверд, на лицах была написана легкая растерянность. Джудит вновь улыбнулась. Последнюю фразу она нарочно произнесла на гэльском наречии, для того чтобы удивить этих людей, и, судя по всему, добилась своей цели.

«Надо хорошенько запомнить выражение лица каждого из них», – решила Джудит, чтобы потом пересказать подробности этой встречи Фрэнсис Кэтрин. Наверняка ее подруге все это покажется столь же забавным, как и ей самой.

– Вы действительно собираетесь ехать с нами? – вновь поинтересовался Алекс.

Хм, разве только что она не сказала им об этом? Джудит постаралась скрыть свое разочарование.

– Да, я действительно собираюсь поехать с вами, – ответила она с нажимом в голосе и уже без тени улыбки на губах, после чего вновь перевела взгляд на предводителя. – Поймите же наконец! Совершенно не имеет значения, хотите вы сопровождать меня или нет. Ничто не помешает мне выполнить свое обещание. Если даже придется идти пешком, то – клянусь святыми! – я пойду. Теперь я достаточно ясно выразилась?

Предводитель не кивнул и не заговорил, но все же вскинул черную мохнатую бровь. Джудит решила расценить этот жест как «да».

В это время из конюшни раздался свист Пола. Джудит сделала ему знак привести лошадей и, приподняв подол своего голубого платья, сбегала вниз по ступенькам. Проходя мимо шеренги воинов, она услышала, как один из них пробормотал:

– Я уже сейчас могу сказать, Йан, что с ней нам будет нелегко поладить.

Джудит даже не удосужилась сделать вид, будто не расслышала этого замечания.

– Это правда: возможно, вам со мной придется нелегко, – рассмеялась она и продолжила свой путь в направлении конюшни. Следом за ней летел ее смех.

Девушка не оглянулась и не заметила улыбок, заигравших на губах воинов.

Йан не мог оторвать взгляда от этой девушки. Спору нет – так же, как и его спутники, он был поражен тем, что англичанка намерена сдержать свое слово. Но – будь все проклято! – чего уж он действительно не ожидал, так это того, что она ему так понравится. Ее дерзкий ответ застал его врасплох, и теперь он пребывал в нерешительности, понятия не имея, что делать дальше.

Ее длинные волосы цвета спелой пшеницы так маняще развевались на ветру! Йан не мог не заметить и не оценить грациозного покачивания ее бедер. А сколько изящества было в каждом ее жесте! О да, эта девушка великолепна! У нее самые прекрасные голубые глаза,

какие ему когда-либо приходилось видеть. Но что покорило его больше всего, так это чудесный звук ее смеха. В этом смехе было столько радости!

Йан уже принял решение, что заставит эту женщину поехать вместе с ними, – решение, которым он не поделился пока со своими воинами. Когда придет время, они просто подчинятся его приказу. Однако леди Джудит определенно удивила его. И все же, несмотря ни на что, она англичанка. Йан покачал головой, вспомнив об этом противоречии.

– Что ты о ней думаешь? – спросил у Йана его двоюродный брат Гаури.

Он смотрел вслед удаляющейся девушке, задумчиво почесывая свою черную бороду, будто бы это движение помогало ему сделать какой-то важный вывод.

– Хорошенькая малышка, правда? Кажется, мне она начинает нравиться, – продолжил он, не дожидаясь ответа.

– Кажется, ты слишком много болтаешь, – пробормотал Алекс. – Черт возьми, Гаури, тебе вообще нравится все, что облачено в юбку.

Гаури усмехнулся, несколько не обидевшись на замечание друга, и сказал:

– Она намерена сдержать слово, данное нашей Фрэнсис Кэтрин. И это единственное, чем мне может понравиться англичанка.

За время пути Йан уже вдоволь наслушался праздной болтовни. Ему не терпелось тронуться в путь.

– Давайте убираться отсюда, – приказал он. – В Англии я задыхаюсь.

Остальные воины были того же мнения. Йан развернулся в седле и посмотрел на Бродика.

– Она поедет с тобой, – сказал он. – Пристегни ее сумку к своему седлу.

Светловолосый воин покачал головой.

– Ты слишком многого просишь, Йан.

– Я не прошу, – возразил Йан твердым как камень голосом. – Я тебе приказываю. Попробуй теперь ответить мне «нет».

Бродик поежился от такой угрозы и пробормотал:

– Дьявол. Ну да как хочешь...

– Она может ехать со мной, – предложил Гаури. – Я не стану возражать.

Йан резко повернул голову и метнул на брата яростный взгляд.

– Да, уж ты-то возражать не станешь. Но не смей прикасаться к ней, Гаури! Ни сейчас, ни потом. Понял?

И, не дождавшись ответа, снова повернулся к Бродику и скомандовал:

– Действуй!

Джудит как раз успела взобраться на свою лошадь, когда воин подъехал к ней.

– Вы поедете со мной, – заявил было он, но увидев, сколько багажа привязано к спине выючной кобылы, покачал головой. – Вам придется оставить...

Ему не удалось закончить фразу.

– Очень признательна вам за такое предложение, сэр, но, честное слово, нет никакой необходимости в том, чтобы я ехала с вами. Моя кобыла весьма вынослива и, несомненно, выдержит это путешествие.

Бродик не привык, чтобы ему противоречила женщина. Не зная, что делать дальше, потянулся было к ней, но тут же замер в нерешительности, а затем оглянулся и посмотрел на Йана.

– Она упрямится, – пробормотал Алекс.

– Да, действительно, – усмехнулся Гаури. – Я был не прав, Алекс. Эта девушка не хорошенькая, а просто чертовски красивая.

– Красивая, – согласился Алекс.

– Поглядите на Бродика! – воскликнул Гаури. – Если бы я не знал его раньше, предположил бы, что он сейчас упадет в обморок.

Алексу его замечание показалось весьма забавным. Йан же лишь покачал головой и прищипорил коня. Джудит не заметила смущения Бродика, потому что расправляла юбку, чтобы прикрыть свои оголенные лодыжки. Поправив тяжелую накидку на плечах и привязав черный шнурок к луке седла, Джудит потянулась к поводьям, которые Пол терпеливо держал все это время.

Йан отстранил Бродика и вплотную подъехал к ней.

– Вы можете взять с собой только одну сумку.

Он произнес это тоном, не допускающим возражений.

– Я возьму их все до единой, – спокойно ответила Джудит. – В них упакованы подарки, которые я приготовила для Фрэнсис Кэтрин и ее ребенка, и я не собираюсь оставлять их здесь.

Джудит решила, что проявляет слишком большую смелость, – этот огромный воин смотрел на нее с такой яростью, будто хотел вытрясти душу. Он явно не привык к тому, чтобы кто-то оспаривал его приказы.

– И я не хочу ехать с этим молодым человеком. Моя лошадь прекрасно довезет меня и сама, – прибавила девушка, предварительно набрав в грудь побольше воздуха.

Йан ничего не ответил. Воцарилось молчание. Джудит смотрела на воина так же хмуро, как и он на нее. Неожиданно предводитель выхватил меч из ножен и, прежде чем Джудит успела что-либо сообразить, нагнулся и перерезал им веревки, крепившие ее драгоценный багаж.

Сердце девушки бешено забилося. Она успокоилась лишь тогда, когда Йан спрятал меч и, подзвав своих друзей, велел каждому из них взять по одной сумке. Джудит не произнесла ни слова, пока воины с недовольным видом пристраивали ее багаж позади своих седел, но испуганно ахнула, когда предводитель попытался выдернуть ее из седла. Резким движением она отбросила его руки.

«Слишком слабая защита от такого сильного мужчины», – мысленно усмехнулась она при этом. Ей стало ясно, что воина ее действия весьма позабавили. Об этом свидетельствовали вспыхнувшие в его глазах искорки.

– Путь наш пройдет через горы и будет очень трудным. Вам лучше пересечь к кому-нибудь из нас.

Джудит покачала головой. Мысль о близости к этому красивому мужчине была ей весьма приятна, однако девушка не хотела, чтобы тот смотрел на нее свысока. Унижений, пережитых в прошлом, ей хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Мне вполне по силам это путешествие, – гордо заявила она. – Вам нет нужды беспокоиться о том, что я отстану или потеряюсь.

Йан сдержал раздражение.

– Нам придется проезжать через вражескую территорию, – терпеливо объяснил он. – Наши кони приучены вести себя тихо...

– Моя лошадь тоже будет вести себя тихо, – возразила Джудит.

И вдруг Йан улыбнулся ей и лукаво спросил:

– Так же тихо, как вы?

Она кивнула.

– Так я и думал, – вздохнул воин.

Джудит не поняла, что ее оскорбили, пока Йан не протянул к ней руки. На этот раз он не дал ей времени на отпор, так как привык действовать быстро и решительно. Небрежно приподняв над седлом, он снял девушку с лошади и пересадил к себе на колени, ничуть не сомневаясь в пристойности своего поступка. Что же касается Джудит, то она тотчас же почувствовала, как наливаются огнем ее щеки.

Она попыталась изменить позу, но Йан ей не позволил. Его левая рука крепко придерживала ее за талию. В этом положении девушка совсем не могла двигаться. «Хорошо еще, что

могу дышать», – подумала она и, поняв, что ей придется смириться, помахала рукой слугам, наблюдавшим за этим представлением.

Конечно, она немного сердилась на воина за то, что тот применил столь унижительную для нее тактику, чтобы настоять на своем. И все же ей было так тепло в его объятиях. И запах его тела тоже показался ей очень приятным.

Откинув голову, Джудит прислонилась к груди воина, и ее макушка уперлась ему в подбородок. Не поднимая глаз, девушка спросила, как его зовут.

– Йан.

Она кивнула и стукнулась головой о его подбородок, затем поинтересовалась:

– Кем вам доводится Фрэнсис Кэтрин?

– Ее муж – мой брат, – ответил воин.

Они переехали подъемный мост и стали взбираться на холм.

– И его зовут Патрик?

– Да.

Очевидно, воин не был расположен к беседе. Джудит отстранилась от его груди и оглянулась. Йан смотрел прямо перед собой, не обращая на нее никакого внимания.

– У меня еще один вопрос к вам, Йан, – проговорила Джудит. – А потом обещаю оставить вас наедине с вашими мыслями.

Йан посмотрел на свою спутницу, да так, что у той перехватило дыхание. «Боже правый, какие у него красивые глаза!» – подумала девушка. Его пронизывающий взгляд не давал ей возможности сосредоточиться.

Джудит решила, что может совершенно безбоязненно считать этого человека привлекательным. Да, она едет в его дом, но там она будет гостьей, не более. И с Йаном она скорее всего не будет иметь ничего общего, равно как и он с ней.

А кроме того, она ведь англичанка. Нет, ничего путного не получится из этой невинной затеи.

– Вы женаты? – Казалось, что ее саму этот вопрос удивил даже больше, чем того, кому был адресован.

– Нет, не женат, – ответил Йан.

Джудит улыбнулась.

Йан не знал, как ему быть дальше. Девушка получила ответ на свой вопрос, и теперь можно было бы продолжать путь, не обращая на нее никакого внимания. Но проблема заключалась в том, что он никак не мог отвести от нее глаз.

– У меня к вам еще один вопрос, – прошептала Джудит. – И потом я уж точно оставлю вас в покое.

Целую минуту они молча смотрели друг другу в глаза.

– Какой вопрос вы хотите мне задать? – спросил наконец Йан тихим, вкрадчивым голосом.

Девушка восприняла этот голос почти как ласку, что совершенно сбило ее с мысли. Ей пришлось на какое-то время отвести глаза от этого дьявола, чтобы разобраться в своих чувствах.

Йан заметил ее колебания.

– Наверное, ваш вопрос не слишком важен для вас?

– О нет, важен, – поспешно возразила она и вновь умолкла, пытаясь вспомнить, что же это был за вопрос.

– Вспомнила! – воскликнула она через минуту. – Я хотела спросить у вас, добр ли Патрик к Фрэнсис Кэтрин. Он хорошо с ней обращается?

– По-моему, добр, – пожал плечами Йан и в качестве пояснения прибавил: – Во всяком случае, он ее никогда не бьет.

Джудит посмотрела ему прямо в глаза, чтобы показать, насколько позабавило ее это примечание.

– Я и так знаю, что он ее не бьет.

– Откуда вам это знать?

– Если бы он когда-нибудь поднял на нее руку, она бы от него сбежала в тот же день.

Это было настолько возмутительное утверждение, что Йан даже не знал, как на него ответить.

– И куда бы она сбежала? – спросил он, собравшись наконец с мыслями.

– Ко мне.

По тому, как искренне и непринужденно звучал ее голос, Йан понял, что его спутница действительно верит в то, о чем только что заявила. Хотя сам он никогда прежде не слыхивал ничего более абсурдного. Жены никогда не убегают от своих мужей, как бы им этого порой ни хотелось.

– Ни один мужчина из рода Мэйтлендов не посмеет и пальцем тронуть женщину, даже если и будет иметь на то веские причины, – заверил он свою спутницу.

– Йан, что ты об этом думаешь? – прервал их беседу громкий окрик Алекса.

Джудит обернулась, и как раз вовремя. Увидев, что воин указывает на могилу, которую она уничтожила накануне вечером, она тотчас же отвела глаза в сторону и стала смотреть на верхушки деревьев.

Йан почувствовал, что девушка напряглась.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил он.

– Да, – ответила Джудит еле слышным голосом.

– Чья это...

Джудит не дала ему договорить.

– Это могила моего отца! – Они как раз поравнялись с Алексом, когда она произнесла эту фразу.

Зеленоглазый воин взглянул сначала на Йана, потом на Джудит.

– Хотите, мы поставим этот камень на прежнее место, перед тем как двинемся дальше? – спросил он у нее осторожно.

Девушка покачала головой.

– Если бы вы это сделали, мне пришлось бы вновь повалить его, хотя, конечно же, спасибо за предложение.

Алекс не смог скрыть изумления.

– Вы хотите сказать, что сделали это сами?

– Да, это сделала я. Трудилась целый час. Земля была твердой как камень, – ответила она, и тень смущения опустилась на ее прекрасное лицо.

Шотландцы были шокированы ее ответом. Прикоснувшись большим пальцем к ее подбородку, Йан заставил ее поднять голову и посмотреть ему в глаза.

– Почему вы это сделали? – сурово спросил он.

– В тот момент мне казалось, что это необходимо сделать, – ответила она, чуть приподняв плечи.

Йан покачал головой. Злодеяние, в котором только что созналась эта женщина, совершенно не вязалось в его сознании с уже сложившимся представлением о ее характере. Она казалась ему женщиной спокойной, неискушенной, хотя и немного упрямой. Чего стоит один только спор, который она затеяла у конюшни, желая отправиться в путь на собственной лошади. Но все же она не была похожа на чудовище, способное осквернить святую землю.

– Это действительно могила вашего отца? – Йан твердо решил разгадать эту головоломку.

– Да, – вздохнула Джудит. – Беспокоиться нет нужды. Могила пуста.

Больше она ничего не собиралась им объяснять. Йан же решил не настаивать. Девушка и так была напряжена до предела. Вероятно, разговор этот ей был неприятен.

Йан дал Алексу знак продолжать путь, после чего прищепил коня и поехал за ним следом. Когда кладбище осталось далеко позади, Джудит позволила себе немного расслабиться.

Больше они не говорили ни о чем. Солнце уже начало садиться, и пора было подумать о ночлеге. Они ехали уже много часов. Мужчины выглядели теперь гораздо веселее, ибо пересекли границу Англии и Шотландии и вновь оказались на родине.

К тому времени, когда они наконец-то решили сделать остановку, Джудит совершенно обессилела. Йан заметил это и помог ей спешиться. Девушка едва стояла на ногах. Воин поддерживал ее за талию и попытался заглянуть в глаза, но она опустила голову. Все ее тело вдруг задрожало. Йан почувствовал это, но промолчал. Подождав, пока она окончательно не придет в себя, он разжал руки и тотчас же повернулся к своему жеребцу. Джудит медленно обогнула коня и зашагала прямо к ручью, видневшемуся за деревьями, которые окружали маленькую полянку. Йан смотрел ей вслед, и его вновь изумила ее царственная осанка. «У нее походка принцессы», – подумал он.

Господи, она просто красавица. И к тому же чертовски невинна. То, что она краснеет по малейшему поводу, говорит о многом.

Эта женщина способна завоевать его сердце! Йан так поразился своему открытию, что даже побледнел. Он не сводил глаз с деревьев, за которыми скрылась Джудит, но брови его были нахмурены.

– Что тебя так встревожило? – раздался за его спиной голос Алекса.

– Глупые мысли, – ответил Йан, облокотившись на седло своего коня.

Алекс посмотрел в ту сторону, куда отправилась Джудит, после чего опять повернулся лицом к Йану.

– Случайно, не глупые мысли об одной прекрасной англичанке? – усмехнулся он.

– Возможно, – пожал плечами лэрд.

У Алекса хватило ума не углубляться в дальнейшие расспросы. Его другу сейчас было явно не до него.

– Сдается мне, что долгой будет дорога домой, – вздохнул он и отошел в сторону, чтобы позаботиться о своем коне.

Свою гордую, полную достоинства поступь Джудит смогла сохранить только до тех пор, пока ее надежно не загородили ветви деревьев. Затем она согнулась чуть ли не до земли и схватилась за поясницу. Боже, как больно! Ее ягодицы и бедра ныли так, будто их отстегали кнутом.

Бедняжка ходила кругами, пока не размяла наконец онемевшие ноги. Затем она умылась холодной водой и, почувствовав себя после этого гораздо лучше, ощутила вдруг дикий голод. Она поспешила обратно на поляну, откуда доносились голоса мужчин, но, как только появилась в поле их зрения, все разом замолчали.

Йана среди них не было. Девушку вдруг охватила паника. Страх нахлынул молниеносно и отозвался болью в желудке. Но тут она заметила коня предводителя и сразу же успокоилась. Этот шотландский воин мог запросто бросить ее, но ведь он никогда не бросит своего верного коня, правда?

Итак, Джудит очутилась одна, в лесу, с четырьмя мужчинами, которые были для нее совершенно чужими людьми. Если бы слух об этом событии дошел до чьих-нибудь английских ушей, ее репутация была бы напрочь загублена. И мать, вероятно, была бы готова убить ее. Странно, но последняя мысль почему-то совсем не встревожила Джудит. Ей казалось, что теперь она не питает к собственной матери совершенно никаких чувств. Дядя Текел оправдывал холодность леди Корнелии ложью о том, что Джудит постоянно напоминала ей о человеке, которого она когда-то любила, а затем потеряла.

Ложь... Как много лжи вокруг!

– Лучше всего вам немного отдохнуть, девушка, – раздался за ее спиной голос Алекса.

Это произошло так неожиданно, что Джудит подскочила. Ей пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем она смогла ответить ему.

– Нам нужно поужинать. Что вы сделали с моим багажом?

Алекс указал рукой на противоположный конец поляны. Джудит тотчас же поспешила туда, чтобы достать из сумок еду. Джейн уложила ей, кроме всего прочего, красивую белую скатерть, и, разостлав ее на твердой земле, девушка принялась доставать из сумок свое нехитрое угощение: толстые ломти черного хлеба с хрустящей корочкой, треугольники красного и желтого сыра, куски жирной солонины и свежие, терпкие зеленые яблоки.

Когда все было готово, она пригласила мужчин разделить с ней трапезу. Прошла добрая минута, прежде чем Джудит поняла, что воины вовсе не собираются есть вместе с ней, и почувствовала, как наливаются жаром щеки. Она сидела на земле, подобрав ноги под юбку, сжав руки на коленях и низко опустив голову, чтобы никто из них не заметил ее смущения.

Как глупо, должно быть, прозвучало ее предложение! В конце концов она англичанка, и этим людям, вероятно, претит сама мысль о том, чтобы сесть с ней за один стол.

Джудит стала убеждать себя, что ей нечего смущаться: это ведь не она ведет себя как грубый варвар, а эти люди...

Йан появился на поляне и замер как вкопанный. Одного взгляда на Джудит было достаточно, чтобы понять: что-то не так. Лицо ее пылало. Он повернулся и посмотрел на своих людей. Алекс и Гаури сидели на земле на противоположной стороне поляны, опираясь спинами о стволы деревьев. Алекс бодрствовал, а Гаури, похоже, уже засыпал. Молчаливый же Бродик храпел так, что дрожала земля. Воин укутался в свой плед так основательно, что были видны только светлые волосы на его макушке.

Тут Йан заметил горы еды, лежащие перед Джудит, и догадался о том, что произошло. Он вздохнул и, заложив руки за спину, подошел к Джудит. Та даже не взглянула на него. Едва только увидев, что Йан приближается к ней, девушка принялась поспешно упаковывать еду обратно в сумки. Она как раз заталкивала последний сверток, когда воин подошел и присел напротив.

Он взял одно из лежавших перед ним яблок и хотел было поднести ко рту, но девушка выхватила его у Йана из рук. Он снова отнял яблоко. Джудит изумило его нахальство. Она посмотрела ему в глаза и увидела пляшущие в них искорки смеха. «Интересно, что его так развеселило?» – подумала Джудит. Она продолжала смотреть на него в упор, а он, надкусив яблоко, наклонился вперед и предложил ей сделать то же самое. Не успев ничего сообразить, Джудит также откусила кусочек.

И тут к ним подошел Алекс. Не говоря ни слова, он присел на корточки и, распахнув сумку, вытащил обратно всю еду. Бросив Йану ломоть хлеба, сам он сунул себе в рот треугольник сыра.

Затем к ним присоединился Гаури. Джудит взяла одно из яблок и спрятала в подол, смущенно объяснив, что сохранит его до утра для спящего воина.

– Бродик, наверное, ужасно устал, раз отказался от ужина, – заметила она.

Алекс насмешливо фыркнул.

– Бродик не ужасно устал, а ужасно упрям! Он и завтра не станет есть ваше яблоко, поскольку вы – англичанка, и все такое. Нет, он... – Взглянув на хмурое лицо Джудит, воин прервал свои объяснения.

Девушка оглянулась, посмотрела на Бродика и вынула яблоко из подола.

– Если вы уверены, что он не станет есть это яблоко завтра утром, то, наверное, он захочет съесть его сейчас.

Джудит вполне серьезно собиралась запустить яблоком в заносчивого шотландца, но как только замахнулась, Йан схватил ее за запястье.

– Не надо этого делать, девушка, – произнес он, крепко сжимая ее руку.

Джудит сдалась и согласилась:

– Вы правы. Не стоит переводить превосходные английские яблоки на злого шотландца. – И, покачивая головой, прибавила: – Не могу поверить, что он родственник Фрэнсис Кэтрин. Кстати, вы уже можете отпустить мою руку, Йан.

Видимо, Йан не очень-то доверял ей, потому что, отпустив ее руку, все же отобрал у нее яблоко.

– Не следует делать Бродика своим врагом, Джудит, – сказал Алекс.

– Но он уже и так мой враг, – ответила она, с трудом отведя взгляд от Йана. – Бродик решил, что я ему не нравлюсь, еще до того, как познакомился со мной, не так ли?

Ей никто не ответил. Гаури решил сменить тему.

– Если имеете привычку давать сдачи каждый раз, когда покажется, что вы кому-то не нравитесь, вам только и придется, что швырять яблоки, когда мы приедем в горную Шотландию.

– Превосходные шотландские яблоки, – поддакнул Алекс, передразнив Джудит.

Девушка нахмурилась и сказала:

– Мне все равно, нравлюсь я кому-то или нет. Фрэнсис Кэтрин во мне нуждается. Только это для меня сейчас по-настоящему важно. Все остальные мои чувства не имеют значения.

– А почему она в вас нуждается? – послышался голос Бродика.

Джудит так удивилась, что этот человек все-таки заговорил с ней, что, повернувшись к нему, невольно улыбнулась.

– У нее есть Патрик, – продолжил Бродик, прежде чем она успела ответить.

– А также все мы, – подхватил Алекс. – Мы – ее родственники.

– Уверена, что ее немало утешает ваша преданность, но вы – мужчины, а я – женщина, – парировала Джудит.

Услышав это заявление, Йан вскинул бровь, очевидно, не поняв, что Джудит имеет в виду. Гаури и Алекс выглядели столь же озадаченными, как и их предводитель.

– Среди родственников Фрэнсис Кэтрин тоже есть женщины, – возразил Гаури.

– Не сомневаюсь, – согласилась Джудит.

– Тогда зачем же ей нужны вы? – удивился Гаури и, не сводя с нее глаз, потянулся за третьим куском солонины.

– Для того, чтобы принимать роды, – предположил Йан.

– Значит, она полагает, что Фрэнсис Кэтрин ждут неприятности? – спросил Гаури у лэрда.

– По-видимому, да, – кивнул тот.

Джудит замахала рукой:

– Фрэнсис Кэтрин имеет все основания для беспокойства. Она не трусиха, не думайте о ней так! Она одна из самых смелых женщин, которых я только встречала. Она сильная и...

– Ну, не надо так волноваться, – перебил ее Алекс с ухмылкой. – Все мы прекрасно осведомлены о многочисленных достоинствах Фрэнсис Кэтрин. Вам нет никакой необходимости защищать ее от нас.

– Она думает, что умрет во время родов? – догадался Гаури и сам же был потрясен своей догадкой.

Прежде чем Джудит успела что-либо ответить, в разговор вмешался Бродик:

– Если жена Патрика думает, что ей суждено умереть, то почему она послала нас именно за вами, англичанка?

Джудит бросила гневный взгляд на кокон волос, торчащий из пледа, и вновь отвернулась. «Не стоит обращать внимания на грубияна, – решила она, – пусть кричит хоть всю ночь, все равно не буду отвечать на его вопросы».

Целую минуту длилось молчание. Все ждали от нее объяснений. Но девушка, не обращая ни на кого внимания, занялась укладыванием в сумки остатков пищи.

Любопытство Бродика оказалось сильнее неприязни. К тому же этот грубиян не просто присоединился к трапезникам. Нет, он локтями расчистил себе место и, небрежно оттолкнув Алекса, уселся рядом с Джудит. Та поспешно посторонилась, но все же Бродик умудрился задеть ее плечом, когда садился, однако даже не смутился и не извинился за свою грубость. Джудит взглянула на Йана, чтобы увидеть его реакцию, но выражение его лица не говорило ей ни о чем. Предводитель взял яблоко и бросил его Бродику. Джудит по-прежнему не желала смотреть на грубияна, но по смачному хрусту догадалась, что тот все же принял угощение.

Она заметила, как Йан подмигнул ей, и улыбнулась в ответ.

– Вы хотите заставить меня повторить вопрос, англичанка? – пробормотал Бродик с полным ртом.

Джудит решила, что стоит это сделать.

– Какой вопрос, Бродик? – удивилась она, стараясь придать своему голосу как можно больше искренности.

Бродик испустил столь яростный вопль, что чуть было не перевернул всю посуду. Джудит прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Вы нарочно испытываете мое терпение? – проревел он.

Девушка кивнула.

Алекс и Гаури расхохотались, а Бродик разозлился еще больше.

– Отвечайте, – приказал он. – Если Фрэнсис Кэтрин думает, что ей суждено умереть, какого дьявола она послала нас за вами?

– Вам этого не понять, – вздохнула Джудит.

– Потому что я шотландец? – съязвил Бродик.

Джудит в отчаянии развела руками.

– Знаете, мне всегда говорили, что шотландцы упрямы как ослы. Я, конечно, никогда не верила в подобную чушь, но после встречи с вами мне, видимо, придется пересмотреть свое мнение.

– Не надо его злить, – предупредил ее Алекс, все еще продолжая смеяться.

– Да, Бродик становится невообразимо заносчивым, когда у него портится настроение, – поддержал друга Гаури.

Девушка широко раскрыла глаза:

– Вы хотите сказать, что сейчас он в хорошем настроении?

Гаури и Алекс одновременно кивнули, и Джудит громко расхохоталась. Она не сомневалась, что они потешаются над ней.

А они не сомневались, что она сошла с ума.

– Между прочим, нам всем любопытно было бы узнать, почему Фрэнсис Кэтрин послала нас за вами, – уже серьезным голосом произнес Алекс, когда Джудит справилась наконец с накатившим на нее смехом.

Джудит кивнула.

– Поскольку вы меня совершенно не знаете, мне придется сознаться вам в некоторых своих крупных недостатках. Я крайне упряма и вдобавок самонадеянна, хоть, по правде говоря, у меня нет абсолютно никаких оснований быть таковой. Я безбожно цепляюсь за свою ответственность... я уже упоминала об этом недостатке?

Все, кроме Йана, покачали головами. Джудит посмотрела на предводителя. Его взгляд лучился теперь таким теплом! Ее волновало то, что внимание столь красивого мужчины цели-

ком сосредоточено на ней. Джудит с трудом заставила себя отвести взгляд, чтобы продолжить свою речь.

– Ну, я крепко держусь за свое, – прошептала она, опустив глаза. – Фрэнсис Кэтрин хорошо осведомлена об этих моих несовершенствах. По правде сказать, на них-то она и рассчитывает.

– Это еще почему? – удивился Бродик.

– Потому что считает, что ей суждено умереть, – объяснила Джудит и, глубоко вздохнув, прибавила: – А я чересчур упряма, чтобы это допустить.

Глава 3

Они не стали смеяться над ней. Улыбнулся один лишь Йан. Остальные же ровным счетом никак не отреагировали на ее греховную похвальбу. Джудит почувствовала, что опять краснеет, и, чтобы скрыть смущение, продолжила упаковывать сумки.

Однако долго ей этим заниматься не пришлось. Раз уж Бродик приступил к трапезе, то наивно было бы надеяться, что он остановится прежде, чем отправит в рот последний кусочек.

Джудит извинилась и снова отправилась к ручью, чтобы смыть с рук липкий яблочный сок. Там она присела на поросший травой берег и принялась расчесывать волосы. Несмотря на усталость, ей доставляли немалое удовольствие красота и мирное уединение, царившие вокруг. Было так хорошо, что ей совершенно не хотелось никуда уходить отсюда.

Когда солнце почти уже упало за линию горизонта и на опустевшем небе остались лишь золотисто-оранжевые полосы облаков, к ней подошел Йан.

Ее приветливая улыбка застала его врасплох. От неожиданности голос его прозвучал гораздо резче, чем ему того хотелось.

– Вам надо немного поспать, Джудит. Завтрашний день обещает быть трудным для вас.

– А для вас он тоже обещает быть трудным? – Джудит поднялась с травы и, расправив измятое платье, стала спускаться вниз по склону. В спешке она позабыла о щетке для волос. Та попала ей под ноги, и, споткнувшись, девушка с криком полетела на землю. Йан стремительно ринулся вперед и схватил ее прежде, чем она успела коснуться носом земли.

Джудит пришла в ужас от своей неуклюжести. Она подняла глаза на своего спасителя, чтобы поблагодарить за помощь, но слова застряли у нее в горле, и ей только и оставалось, что смотреть на него в смнении. Внутри у нее все дрожало. Она никак не могла понять своих чувств по отношению к этому воину, а поскольку ей не удавалось понять себя, то и справиться с собой она тоже не могла.

– Нет. – Это слово Йан произнес почти шепотом, но Джудит не имела ни малейшего представления, о чем это он.

– Что «нет»? – прошептала она, глядя ему в глаза.

– Нет, завтрашний день не будет для меня трудным, – объяснил воин.

В глазах его плясали насмешливые искорки. На губах играла улыбка. У Джудит подогнулись колени. «Господи, какой он красивый, этот дьявол!» – подумала вдруг она и, чтобы отогнать от себя эту мысль, затрясла головой и отвернулась в сторону. Йан нагнулся, чтобы поднять щетку. То же самое сделала и Джудит. При этом они стукнулись лбами. Ее рука первой коснулась щетки, но Йан накрыл ее сверху своей огромной ладонью. Джудит изумилась тому, какие у него горячие пальцы. Она уставилась на его ладонь, пораженная ее величиной. «Почти в два раза больше моей собственной... От этого человека так явно веет силой и могуществом... Он мог бы раздавить меня, если бы захотел», – вертелось в голове у девушки. Ощущение силы, исходящее от воина, завораживало, и все же в его прикосновении отчетливо чувствовались нежность и доброта. Джудит знала, что может в любой момент убрать руку.

Она поднялась на ноги одновременно с Йаном, но руку не убрала. Не убрал свою и Йан. Они простояли так не более двух минут, а Джудит показалось, что прошла целая вечность.

Йан смотрел на нее сверху вниз, и лицо его выглядело озадаченным. Джудит не знала, как это все понимать. И тут он неожиданно отдернул руку. Резкость этого движения смутила девушку.

– Вы меня сбиваете с толку, Йан, – укоризненно прошептала Джудит, сама того не желая.

Она попятилась назад и, развернувшись, стремительно побежала вниз, к подножию холма.

Йан смотрел ей вслед, скрестив руки за спиной.

«Черт, – бормотал он про себя, – я желаю ее». Йан смело сознался себе в этом. Свое поведение он оправдывал тем, что любого мужчину со здоровым аппетитом потянуло бы к этой чертовке. В конце концов, она и в самом деле дьявольски красива, необычайно мягка и женственна...

И все же его потрясло то, что, судя по всему, эту девушку влекло к нему с неменьшей силой. Это открытие его ничуть не обрадовало. Он знал, что в силах справиться со своими желаниями, но не имел ни малейшего представления о том, сможет ли справиться со своими желаниями это хрупкое создание.

Такое простое поначалу поручение, данное ему братом, приобрело совершенно ненужную для него сложность.

Йан решил, что лучше всего будет держаться от этой девушки как можно дальше. Просто перестать обращать на нее внимание!

Придя к такому заключению, Йан почувствовал себя значительно лучше. Он вернулся в лагерь и увидел, что Джудит уже скрылась в палатке, которую разбили для нее Алекс и Гаури. Йан подошел к дереву, у которого сидел Бродик, и сел, прислонившись спиной к стволу. Алекс и Гаури уже крепко спали. Йан думал, что Бродик тоже спит, но тот неожиданно повернулся к нему лицом и заговорил усталым голосом:

– Она англичанка, Йан. Постарайся не забывать об этом.

Лэрд сердито уставился на друга.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ее хочешь, это видно невооруженным глазом.

– Откуда, черт побери, тебе знать, чего я хочу?

Бродика не испугал сердитый голос Йана. Они были друзьями уже много лет. Кроме того, Бродик всегда принимал интересы Йана близко к сердцу и знал – тот понимает, что он хочет ему добра.

– Если ты не будешь скрывать свои чувства, Алекс и Гаури вскорости также узнают о твоём увлечении.

– Черт побери, Бродик...

– Я тоже ее хочу, Йан.

Это прозвучало как гром среди ясного неба.

– Ты не можешь ее получить, – вырвалось у Йана прежде, чем он успел взять себя в руки.

– Ты говоришь сейчас как собственник, Йан, – усмехнулся Бродик.

Йан ничего не сказал в ответ. Бродик глубоко вздохнул.

– Я всегда думал, что ты ненавидишь англичан, Бродик, – выдавил наконец Йан спустя несколько минут.

– Ненавижу, – кивнул Бродик. – Но, глядя на эту красотку, я забываю о своей ненависти. Ее глаза... это наваждение...

– Избавься от него. – Голос Йана сделался жестким и суровым.

Услышав этот приказ, Бродик вскинул брови. Йан тут же прекратил спор, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Ему была непонятна своя собственная реакция на откровение Бродика. Узнав, что тот и сам бы не прочь овладеть этой англичанкой, Йан неожиданно впал в ярость. Черт, какое ему дело, хочет кого-то там Бродик или нет? Все эти вещи не должны иметь для него ровным счетом никакого значения! И все же при одной мысли о том, что кто-то дотронется до этой девушки – кто-то другой, а не он сам, – кровь закипала у него в жилах.

Долго, очень долго Йан не мог уснуть, пытаясь разобраться в своих противоречивых чувствах...

Настроение его не улучшилось и на следующее утро. Он не будил Джудит до последней минуты. За всю ночь девушка даже ни разу не пошевелилась. Йан знал это, потому что до утра

не сомкнул глаз, наблюдая за ней, хотя края палатки и скрывали почти все ее тело, виднелись только ступни и лодыжки.

И только после того, как лошади были готовы, Йан все-таки подошел к палатке, чтобы разбудить девушку.

Он бросил Алексу расположенные на шестах шкуры и, опустившись на одно колено, мягко дотронулся до плеча Джудит, окликнув ее при этом по имени.

Девушка не шелохнулась. Йан снова потряс ее за плечо – на этот раз уже посильнее.

– Господи, как крепко спит! – заметил Гаури, подошел и встал рядом с Йаном. – А она дышит?

В этот момент Джудит открыла глаза. Увидев склонившихся над ней гигантов, чуть было не закричала, но вовремя сдержалась и только испуганно ахнула.

Йан понял, что девушка напугана, подал ей руку, чтобы помочь подняться и сказал:

– Пора ехать, Джудит. Почему бы вам не пойти к ручью и не смыть с себя остатки сна?

Джудит кивнула и сделала шаг вперед.

Бродик схватил ее за плечи и медленно развернул в противоположном направлении.

Мужчин позабавило удивление Джудит, но никто из них не посмел улыбнуться, пока она не скрылась из виду.

– Думаешь, она войдет в воду? – спросил Алекс у Гаури.

– Может быть, это поможет ей проснуться, – отозвался тот со смешком.

Джудит действительно окончательно пришла в себя, добравшись до берега реки. Холодная вода ее здорово освежила. Она быстренько привела себя в порядок, после чего поспешила обратно в лагерь.

Все, кроме Йана, уже сидели верхом на конях и ждали ее появления. Девушка не знала, с кем ей придется ехать сегодня. И Алекс, и Гаури делали ей знаки приблизиться к ним. Йан стоял на противоположном конце поляны. Джудит подождала, пока он сядет на своего жеребца, и поскольку никакого приглашения с его стороны не последовало, решила, что ей придется ехать с Алексом.

Прошлой ночью Йан принял решение держаться от Джудит подальше, однако решение это было тут же забыто, едва он увидел, что девушка направляется к Алексу.

Не успела она взяться за руку юноши, как ее подхватила сильная рука Йана.

У нее даже не было времени, чтобы за что-нибудь ухватиться. Предводитель усадил ее к себе в седло и поскакал впереди всех. Джудит услышала, как кто-то рассмеялся, но когда попыталась обернуться, чтобы посмотреть, кому это там так весело, Йан не дал ей даже пошевелиться и еще крепче прижал к своей груди.

Это причинило ей боль, и она схватила его за руку, давая понять, чтобы он ослабил хватку.

Следующие несколько часов пути оказались для Джудит серьезным испытанием. Они свернули с проторенной тропы и теперь скакали так, будто за ними гналась целая армия чертей. Эта изматывающая скачка продолжалась до тех пор, пока они не добрались до горной местности. Здесь им пришлось сбавить темп.

Наконец Йан позволил своим спутникам сделать короткий привал. Они остановились на небольшой полянке, обрамленной зарослями чертополоха, усыпанного яркими желтыми цветами. Джудит это место показалось очень красивым. Она бродила взад и вперед, разминая затекшие ноги. Ей хотелось также потереть ноющие ягодицы, но она не решалась, потому что мужчины следили за каждым ее движением.

Никто из них не был расположен к беседе, поэтому Джудит отошла в сторонку и стала прихихиваться к необычайно приятному аромату цветов.

Затем она отправилась к пруду, о котором поведал Гаури, чтобы выпить холодной воды, а когда вернулась на полянку, Алекс протянул ей громадный кусок сыра и не менее громадный ломоть черного хлеба.

Девушка села на гладкий валун и уложила хлеб и сыр в подол платья. Вскоре на полянку вернулся Йан. Он подошел к своим спутникам, стоявшим возле коней, после чего мужчины начали о чем-то негромко беседовать. Время от времени предводитель посматривал в сторону Джудит, будто хотел удостовериться, что она все еще там, где ей следует быть.

Джудит же неторопливо покончила с едой и подумала, что, в сущности, ей почти ничего не известно ни об одном из этих людей за исключением того, что они тем или иным образом связаны родственными узами с Фрэнсис Кэтрин и безгранично ей преданы. Джудит подумала также, что ее любимой подруге жутко повезло: ведь это здорово – иметь так много заботливых друзей. Конечно, им тоже очень повезло в том, что Фрэнсис Кэтрин – член их семьи.

Неожиданно Джудит вспомнила, как они впервые встретились во время летнего праздника. Тогда она была еще слишком мала, чтобы запомнить этот удивительный день во всех подробностях. Однако впоследствии отец Фрэнсис Кэтрин не раз рассказывал ей о том, как «познакомился с девочкой по имени Джудит». Джудит столько раз слышала от него историю об ужалившей ее пчеле, что в конце концов перестала понимать, какие подробности помнила сама, а какие ей были рассказаны.

И вот сейчас она сидела и вспоминала о том случае. По словам папы Фрэнсис Кэтрин, эта надоедливая пчела...

– Чему вы улыбаетесь, девушка?

Джудит настолько была погружена в себя, что даже не услышала, как к ней подошел Алекс. Открыв глаза, девушка увидела его стоящим на расстоянии двух шагов от того места, где она так удобно расположилась.

– Я вспоминала тот день, когда познакомилась с Фрэнсис Кэтрин, – улыбнулась Джудит.

– И когда же это случилось? – поинтересовался юноша.

Похоже, ему действительно было любопытно это узнать. Решив, что Алексу хочется услышать рассказ о детстве Фрэнсис Кэтрин, Джудит начала вслух вспоминать о том, как впервые встретилась с подругой. Она уже почти завершила свой рассказ, когда к ним подошли Гаури и Йан. Алекс задал ей несколько вопросов, на которые девушка охотно ответила. Она ничего не приукрашивала в своем рассказе до тех пор, пока речь не зашла об отце Фрэнсис Кэтрин. Здесь Джудит дала волю своему языку и во всех подробностях описала свою первую встречу с этим чудесным человеком, а также его внешность. Ее голос стал при этом мягким, любящим. Йан отметил эту перемену, а также и то, что Джудит на протяжении всего рассказа трижды упомянула о том, как добр был к ней отец Фрэнсис Кэтрин. Создавалось впечатление, что Джудит до сих пор, спустя много-много лет, удивлена этим.

– А твой отец так же понравился Фрэнсис Кэтрин? – поинтересовался Гаури.

– Моего отца там не было. – Улыбка исчезла с ее лица.

Джудит поднялась и зашагала в сторону леса.

– Вернусь через пару минут, – крикнула она через плечо смотревшим ей вслед мужчинам.

Весь остаток дня Джудит вела себя очень тихо. Во время ужина она выглядела даже несколько подавленной. Гаури, самый прямолинейный из всей компании, счел своим долгом осведомиться, все ли у нее в порядке. Девушка улыбнулась, поблагодарила его за заботу и ответила, что просто немного устала.

В ту ночь они спали под открытым небом, как, впрочем, и следующие четыре ночи. К шестому дню пути Джудит действительно измучилась до предела. К тому же ночи не отличались особым теплом. Чем дальше компания пробиралась на север, тем более леденящим становился ветер. Сон стал для Джудит почти непосильной задачей: ей удавалось уснуть не больше

чем на полчаса. Палатка плохо защищала тело от порывов ветра, и временами девушке казалось, что холод пробирает до самых костей.

Йан полностью погрузился в себя. И хотя он по-прежнему настаивал на том, чтобы Джудит ехала вместе с ним, за последние дни они едва ли перекинулись и парой слов.

От Алекса Джудит узнала, что недавно Йана выбрали лэрдом клана. Впрочем, ее ничуть не удивило это известие. Этот человек был прирожденным лидером, что, по мнению Джудит, являлось благословением Божиим. Он был слишком независим для того, чтобы подчиняться чьей-нибудь воле. И еще он все любил делать по-своему. О, Джудит очень быстро подметила этот его недостаток.

– Вас тревожат какие-то домашние проблемы? – спросила она у него, когда долгие часы молчания начали в конце концов действовать ей на нервы.

Как раз в этот момент они проезжали по извилистой горной тропе, и кони шагали медленно. В ожидании ответа Джудит обернулась и посмотрела на Йана.

– Нет. – Предводитель ограничился этим односложным ответом.

Еще один час прошел в полном молчании. Затем Йан нагнулся вперед и спросил:

– А вас?

Джудит не поняла, что он имеет в виду. Она вновь обернулась, чтобы взглянуть на своего провожатого. Его губы оказались всего в нескольких дюймах от ее губ. Воин резко откинул голову. Джудит так же резко отвернулась.

– А что – меня? – попыталась уточнить она тихим шепотом.

– Вас беспокоят какие-либо домашние проблемы? – пояснил он.

– Нет, – пожала плечами Джудит.

– Нас удивило то, что ваша семья позволила вам уехать с нами, – признался Йан.

– А летом здесь станет теплее или у вас всегда так холодно? – попыталась сменить тему Джудит.

– Сейчас здесь теплее, чем когда бы то ни было. – Насмешка, прозвучавшая в его голосе, смутила девушку. – Может быть, какой-нибудь лорд там, у вас дома, уже сосватал вас? Вы с кем-нибудь обручены? – продолжил воин в том же тоне.

– Нет. – Ей показалось странным то, что этот человек задает столь интимные вопросы.

– Почему?

– Трудно объяснить, – ответила она и тут же прибавила: – Мне совершенно не хочется об этом говорить. А почему вы не женаты, раз уж на то пошло?

– Не было ни времени, ни охоты, – пожал плечами Йан.

– Вот и у меня нет охоты, – буркнула Джудит.

Йан рассмеялся. Ее это так удивило, что она вновь повернулась к нему лицом и спросила, глядя в глаза:

– Почему вы смеетесь?

«Проклятье, он так хорош, когда весел!» В уголках его глаз собралось множество мелких морщинок, а сами глаза сверкали серебряными искорками.

– Вы не шутите? – спросил он с улыбкой.

Девушка покачала головой. Последовал новый взрыв смеха. Джудит была обескуражена. Гаури, судя по всему, тоже. Он обернулся, желая выяснить, что это там происходит, из чего Джудит сделала вывод, что воину нечасто приходилось слышать смех своего лэрда.

– В горах Шотландии желание женщины не имеет никакого значения, – объяснил Йан. – Я полагал, что так же обстоят дела и в Англии.

– Так же, – вздохнула девушка. – Женщина не имеет права голоса в те моменты, когда решается ее будущее.

– Тогда почему же...

– Это сложно объяснить, – отрезала Джудит.

Йану пришлось прекратить расспросы, за что Джудит была ему страшно признательна. Ей не хотелось говорить о своей семье. Она никогда всерьез не задумывалась о своем будущем. Вряд ли ее мать позаботится о том, чтобы устроить замужество дочери. Фактически и мать, и дочь по-прежнему являются собственностью лэрда Маклина... если он, конечно, все еще жив. Если же умер, тогда дядя Текел станет ее опекуном... или нет?

Ох, все это действительно очень сложно. Джудит решила, что сейчас слишком устала, чтобы думать обо всем этом. Откинувшись назад, она прижалась к Йану и закрыла глаза.

Спустя некоторое время Йан наклонился к ней и прошептал:

– Примерно через час мы пересечем границу вражеской территории. Вы должны сохранять молчание до тех пор, пока я вновь не разрешу вам говорить.

Ее безопасность целиком зависела от этого человека, поэтому Джудит немедленно кивнула в знак согласия. А через несколько минут она уснула. Йан устроил ее поудобнее, так, чтобы обе ноги ее свешивались через его бедро, а щека покоилась у него на плече.

Он знаком велел Гаури и Алексу ехать вперед, Бродика оставил позади – защищать тылы.

Местность, по которой они проезжали, густо заросла деревьями и летними цветами. Грохот водопада, с ревом низвергавшегося в гигантскую горловину, заглушал цоканье лошадиных копыт.

Вдруг Гаури натянул поводья и поднял сжатый кулак. Йан немедленно свернул с тропы и загнал жеребца в густые заросли. Остальные последовали его примеру.

Со стороны тропы – едва ли в двадцати футах от того места, где укрылись Йан и Джудит, – раздался взрыв хохота, за ним еще один, потом еще... Йан напряг слух. По его подсчетам, неподалеку проходили по меньшей мере пятнадцать воинов клана Макферсонов. Рука так и чесалась схватиться за меч. Черт, хорошо бы застать врагов врасплох! Обстоятельства как раз складывались в его пользу. Сражаясь бок о бок с Гаури, Алексом и Бродиком, они легко бы одержали победу над пятнадцатью-двадцатью неумехами Макферсонами – настолько легко, что об этом даже смешно и говорить.

Однако безопасность Джудит – на первом месте. Йан крепче обнял девушку за талию. Та, всхрипнув, прижалась к нему и хотела было что-то пробормотать во сне, но его рука тут же зажала ей рот. От такого резкого прикосновения девушка проснулась и, открыв глаза, посмотрела на Йана. Тот покачал головой, все еще не отнимая руку от ее рта. Тогда Джудит поняла, что они находятся на территории врага. В глазах ее мелькнула тревога, но усилием воли девушка подавила ее в самом зачатке.

«Я в безопасности, пока со мной Йан», – решила Джудит, сама до конца не понимая, почему так доверяет этому человеку. Просто в глубине души она была уверена, что Йан никому не позволит причинить ей какой-либо вред.

Прошло добрых двадцать минут, прежде чем Йан отнял руку от ее губ. Его большой палец медленно прошелся по ее нижней губе. Девушка не поняла значения этого жеста, но по ее телу пробежала дрожь удовольствия. Йан снова покачал головой, Джудит догадалась: нужно молчать как рыба – и кивнула в ответ, давая понять, что все сделает так, как надо.

Единственное, чего она не смогла, это отвести взгляд от его лица. Сердце ее трепетало, она чувствовала, что еще чуть-чуть, и щеки ее вновь нальются багрянцем. А Джудит больше всего боялась, что этот человек догадается о том, какое влияние на нее оказывает. Она зажмурилась и прижалась к его груди. Его руки крепко сжимали ее талию. «А вдруг ему хочется меня обнимать?» – подумала вдруг Джудит и тут же запретила себе думать о подобной чепухе.

Она сделана из достаточно крепкого материала, и, конечно же, ей не составит большого труда справиться со своими мыслями и чувствами.

Они продолжали стоять до тех пор, пока Йан окончательно не убедился, что Макферсоны уже далеко. Ослабив свою железную хватку, он мягко приподнял большим пальцем ее подбородок и взглянул в глаза, намереваясь сообщить, что угроза миновала, но тут же забыл

о своем намерении, едва только встретил ее взгляд. Его охватило такое желание, какого он не испытывал никогда прежде. Ничто больше не могло его сдерживать. Он был бессилен перед этим влечением. Ему захотелось сию же секунду вкусить этот манящий запретный плод. Он медленно подался вперед, чтобы у девушки была возможность отстраниться, если она воспротивится его порыву, но Джудит даже не шелохнулась. Его губы мягко прикоснулись к ее губам. Один раз. Другой. А девушка все не отстранялась.

Тогда ему захотелось большего. Крепко сжав рукой ее подбородок, Йан властно впился в губы. Он заглушил поцелуем ее стон, не обратив на него никакого внимания. Ему казалось, что достаточно одного основательного поцелуя, чтобы покончить с этим влечением. Любопытство его будет удовлетворено. Он узнает ее вкус, ощутит ее губы... Он насытится...

Но этого не случилось. Он никак не мог ею насытиться. Проклятье, как приятны на вкус ее губы! И как она нежна, легка и податлива в его объятиях! Ему хотелось еще. Он заставил ее приоткрыть губы, и прежде чем она успела что-либо сообразить, его язык проник внутрь, чтобы соединиться с ее языком.

Джудит попыталась было отстраниться, но потом передумала и, обхватив его руками за талию, прильнула к груди. Его язык ощупывал ее рот до тех пор, пока их обоих не затрясло в порыве страсти. Теперь Джудит вовсе не казалась застенчивой. Нет, она трепетно отвечала на поцелуи Йана.

Хриплое рычание вырвалось из его горла. Джудит всхлипнула. Страсть ураганом бушевала в их сердцах. Его губы снова и снова прижимались к ее губам, и, только осознав, что он не найдет удовлетворения до тех пор, пока не окажется между бедрами девушки, Йан заставил себя остановиться.

Он был ошарашен и разгневан, но разгневан исключительно на себя самого. Утрата самообладания была ему отвратительна. Джудит растерянно смотрела на него снизу вверх. Губы ее слегка припухли. Йану захотелось поцеловать их снова, но вместо этого он резко прижал ее голову к своему плечу и, дернув поводья, направил коня обратно к тропе.

Джудит была благодарна ему за это. Ее все еще трясло от его поцелуев. Она была поражена реакцией на вспышку страсти со стороны Йана. Это было самое прекрасное и самое пугающее из всего, что с ней когда-либо случалось.

Она хотела еще! Но ей казалось, что Йану этого не хочется. То, как резко он отстранился, и эта вспышка гнева в его глазах служили веским доказательством, что воин чем-то недоволен.

Джудит внезапно почувствовала себя неуклюжей и ужасно смутилась. Ей вдруг захотелось накричать на грубияна, дать выход своим оскорбленным чувствам и униженной гордости. Глаза ее наполнились слезами. Она глубоко вздохнула, пытаясь восстановить душевное равновесие. Через несколько минут дрожь, охватившая все ее тело, слегка поутихла, и девушка решила, что выиграла эту битву с собственными обидами, но не успела она порадоваться этому, как Йан нанес ей новое оскорбление. Остановив коня рядом с гнедым жеребцом Алекса, он снял ее со своих колен и швырнул на колени молодому воину.

Ах так! Ну ладно... Если этот грубиян не хочет больше иметь с ней ничего общего, она отомстит ему по-своему. Даже не взглянув в его сторону, Джудит старательно расправила юбки, не поднимая глаз и молясь Создателю, чтобы предводитель не заметил, что ее лицо пылает огнем.

Йан поехал впереди. Гаури пустил своего коня следом. За ним поскакали Джудит с Алексом. Бродика снова оставили позади.

– Вам холодно, девушка? – прошептал ей на ухо Алекс спустя некоторое время.

– Нет, – ответила Джудит.

– Тогда почему вы дрожите?

– Потому что мне холодно.

Она вдруг поняла, что противоречит сама себе, и глубоко вздохнула. Если даже Алекс и заметит несурезицу в ее ответе, то все равно не скажет об этом, потому что добр и умен. И действительно, юноша не произнес больше ни слова. Так они и ехали молча весь этот долгий день.

Джудит никак не удавалось удобно устроиться на руках у Алекса. Несколько раз она касалась спиной его груди, но не могла достаточно расслабиться для того, чтобы опереться на него.

К вечеру она чертовски устала. У нее слипались глаза. Компания остановилась перед красивым каменным домом с соломенной крышей, у самого склона горы. Густой плющ покрывал южную его сторону, мощенная камнем дорожка вела от стоящей неподалеку конюшни к входной двери.

На крыльце стоял седовласый широкоплечий человек с густой бородой и приветливо улыбался гостям. Джудит заметила в дверном проеме женщину, выглядывавшую из-за его плеча. Когда мужчина двинулся навстречу приезжим, она отступила в тень.

– Мы остановимся здесь на ночлег, – сказал Алекс, мужчина спешился и протянул руки, чтобы помочь Джудит. – У вас будет крыша над головой и превосходный ночной отдых.

Джудит кивнула и подумала: «Алекс действительно полон сочувствия ко мне». Юноша помог ей спуститься на землю, но рук не убрал, зная, что она тут же упадет навзничь, если он это сделает. Воин поддерживал ее за талию, и Джудит понимала, что он чувствует, как дрожат ее ноги.

– Убери от нее руки, Алекс, – раздался вдруг из-за спины голос Йана.

Алекс тут же отпустил девушку. У Джудит подогнулись колени, и она начала падать, но в это время Йан подхватил ее сзади. Левой рукой он крепко стиснул ее талию, а правой плотно прижал к своей груди. Джудит даже не подняла головы. Она так измучилась за время поездки, что теперь ей хотелось только одного: позволить отнести ее в дом, как бы неприлично это ни выглядело.

Но как может от человека так чудесно пахнуть после столь длительной езды верхом? В запахе Йана сочетался аромат свежего ветра и... мужчины. От его тела исходил манящий жар, и, осознав это, Джудит решила, что ей следует держать себя в руках.

Йан был далеким, как гроза, идущая с юга. Джудит знала, что он поддерживает ее в этот миг только потому, что она нуждается в помощи. Он чувствовал себя ответственным за нее и попросту выполнял свой долг.

– Спасибо за помощь, – сказала она. – Теперь вы можете меня отпустить. Я уже полностью пришла в себя.

Она попыталась оттолкнуть его руку, но у воина, видимо, были другие намерения. Он повернул ее лицом к себе и приподнял пальцем подбородок.

Увидев улыбку в его глазах, Джудит опешила: всего лишь несколько минут назад этот человек вел себя, как рассерженный медведь. И тут ей стало ясно, что объектом его недовольства был Алекс.

– Я отпущу вас, когда сам того пожелаю, – тихим шепотом произнес Йан. – А не тогда, когда вы мне это позволите, Джудит.

Его высокомерие возмутило девушку.

– И когда же это произойдет? – спросила она. – Позволительно ли мне задавать вам этот вопрос?

Почувствовав раздражение в ее голосе, Йан вскинув брови и покачав головой, произнес:

– Вы на меня сердитесь. Объясните почему.

Джудит вновь попыталась оттолкнуть его руку, поддерживающую ее подбородок, но Йан только крепче сжал пальцы и она сдалась.

– Не отпущу, пока не скажете, чем вы расстроены, – заявил он.

– Вы меня целовали.

– Вы тоже меня целовали.

– Да, целовала, – призналась она. – И не жалею об этом. Как вам нравится это признание?

В ее голосе звучал вызов. «Мужчина лишится рассудка, если позволит себе поддаться красоте этой девушки». Эта мысль вертелась в голове у Йана уже не первый день.

– Я тоже не жалею об этом, – усмехнулся он.

Джудит бросила на него сердитый взгляд.

– Возможно, в то время вы и не жалели, но теперь ведь жалеете, не так ли?

Воин пожал плечами, и ей захотелось стукнуть его ногой.

– Лучше не прикасайтесь ко мне больше, Йан, слышите?

– Нечего мне приказывать, девушка!

Голос его приобрел неожиданную резкость, но Джудит не обратила на это никакого внимания.

– Когда речь идет о поцелуях, я могу приказывать кому захочу и сколько захочу. Я не принадлежу вам, – добавила она.

У предводителя был такой вид, будто он собирается ее удушить. Девушка решила, что вела себя с ним чересчур высокомерно. У этого человека такой колючий характер.

– Не хочу выглядеть заносчивой, – продолжила она. – Конечно, вы, должно быть, привыкли поступать по-своему, раз вы лэрд и все такое. Но тем не менее мне вовсе не обязательно подчиняться вашим приказам. – Голос ее звучал весьма рассудительно. – В данный момент я ваша гостья, не более того...

Йан покачал головой, и Джудит пришлось прервать свои объяснения.

– Девушка, вы согласны с тем, что, пребывая в доме моего брата, вы находитесь под его покровительством?

– Да, – кивнула она.

Йан улыбнулся. Было похоже, что в эту секунду он выиграл какой-то очень важный спор, а Джудит даже понятия не имела, каков предмет этого спора.

Йан убрал пальцы с ее подбородка и зашагал прочь. Джудит побежала за ним и, догнав, схватила за руку. Воин тотчас же остановился и вопросительно уставился на него.

– Почему вы улыбаетесь? – спросила девушка.

– Потому что вы только что со мной согласились, – ответил он.

– То есть?

Она действительно ничего не понимала. Йан видел растерянность в ее глазах.

– До возвращения в Англию я за вас в ответе. Вы будете следовать всем моим указаниям, – произнес он. – Вот с чем вы только что согласились.

Джудит покачала головой. Этот человек явно рехнулся. Каким образом ее заявление, что он никогда больше не посмеет ее поцеловать, привело его к такому странному выводу?

– Я ни с чем подобным не соглашалась, – возразила она.

Джудит все еще не отпускала руку Йана. Он спокойно мог бы стряхнуть ее с себя, но не стал этого делать.

– Вы мне сказали, что я буду находиться под покровительством Патрика, – напомнила она. – Следовательно, это он будет за меня в ответе, а не вы, Йан.

– Да, – согласился воин. – Но я же лэрд, и поэтому Патрик подчиняется мне. Теперь вы все понимаете?

Джудит убрала руку.

– Понимаю... Вы полагаете, что можете теперь мне приказывать, – вздохнула она.

Он улыбнулся и кивнул, а Джудит рассмеялась. Йан не понял, что вызвало у нее этот смех. Однако в неведении он оставался недолго.

– Означает ли это, что вы с Патриком отвечаете теперь за все мои поступки?

Йан кивнул.

– И мои прегрешения будут также и вашими прегрешениями?

Он сцепил пальцы за спиной и нахмурил брови.

– Вы задумали устроить нам какие-то неприятности?

– О нет, конечно же, нет, – поспешила заверить его она. – Я действительно очень благодарна вам за то, что позволили посетить ваш дом, и я ни в коей мере не хочу создавать вам никаких проблем.

– Ваша улыбка заставляет меня усомниться в вашей искренности, – заметил Йан.

– Я улыбаюсь совершенно по другой причине, – объяснила она. – Просто только что я убедилась, насколько нелогичны ваши рассуждения.

– Почему это мои рассуждения нелогичны? – возмутился Йан.

Джудит не поняла, что оскорбила его своим замечанием.

– Потому что нелогичны, – продолжала настаивать она на своем. – Объясните, каким образом мое решение не позволять вам больше меня целовать привело к этому странному спору.

– Вопрос о моих поцелуях не настолько важен, чтобы его обсуждать, – сурово ответил он. – В данной же ситуации он вообще не имеет никакого значения.

Эти слова прозвучали как пощечина, однако девушка не подала виду, насколько они задели ее. Кивнув, она развернулась и зашагала прочь.

Целую минуту Йан стоял не шелохнувшись и глядел ей вслед, затем устало вздохнул. Эта девушка явно не понимала, что уже начала создавать им проблемы. Его люди не могли удержаться, чтобы не глазеть на нее. И он тоже не стал исключением, черт побери!

Да, она красива – это ясно любому мужчине. Да, в этом есть смысл. Это-то как раз логично. И все же те сугубо собственнические чувства, которые он испытывал по отношению к ней... Вот что совсем уж не поддается никакой логике!

Он сказал ей, что в конечном счете ему нести за нее ответственность до тех пор, пока она не вернется в Англию. Проклятье! Он чуть не подавился при одной только мысли о том, что однажды эту девушку придется везти обратно в Англию. Разрази его гром, да что же это с ним такое?

Как он сможет отпустить ее когда-нибудь?

Глава 4

Джудит хотелось как можно скорее от него избавиться. Она понимала, что так думать неразумно. Но это долгое, нескончаемое путешествие настолько вымотало ее, что в голове у нее творилась сплошная каша. Почему ее так задевают грубые слова Йана? По-видимому, ей просто не удастся расставить все по своим местам – мешают противоречивые чувства, переполняющие ее сердце.

– Джудит, иди познакомься с Камероном, – позвал Алекс.

Все обернулись и посмотрели в ее сторону. Джудит подошла поближе и, остановившись перед хозяином дома, сделала реверанс, заставив себя при этом мило улыбнуться. Это было нелегкой задачей – Камерон смотрел на нее так, будто она только что вышла из преисподней... Выражение его лица не оставляло никаких сомнений в том, что именно думает он о ней в этот миг. Похоже, человек этот был явно возмущен уже самим ее существованием на этой земле.

О боже, у нее совсем не осталось сил и дальше выдерживать всю эту ерунду. Она вздохнула и тихо произнесла:

– Добрый вечер, сэр.

– Она англичанка. – Камерон проревел это с такой силой, что вены на его висках вздулись.

Даже говоря на чистом гэльском языке, Джудит не смогла скрыть своего английского акцента. Наряды, в которые она была облачена, также выдавали ее нешотландское происхождение. И хотя недоверие, существовавшее между англичанами и шотландцами, было ей не в новинку, беспричинная ярость Камерона здорово ее напугала. Джудит сделала шаг назад и... наткнулась на Йана.

Она попыталась обойти его, но тот остановил ее и, схватив за плечи, притянул к себе.

Прошла минута, но воин так и не произнес ни слова. В этот момент к ним подошел Алекс и встал рядом с лэрдом. Его примеру последовал Гаури. Последним подошел Бродик. Он взглянул на Йана, видимо, ожидая какого-то приказа, и, когда лэрд в конце концов оторвал взгляд от Камерона и кивнул ему, старый воин сделал несколько шагов и встал прямо перед Джудит.

Девушка оказалась зажатой в кольцо воинов и попыталась было выглянуть из-за спины Бродика, но Йан еще крепче сжал ее плечи, да так, что она и вовсе потеряла способность двигаться.

– Мы уже заметили, что она англичанка, Камерон, – заявил Бродик негромким, но твердым голосом. – А теперь я хотел бы, чтобы ты заметил, что леди Джудит находится под нашим покровительством. Мы возедем ее к себе домой.

Старик Камерон мигом стряхнул с себя остатки гнева и, заикаясь, пролепетал:

– Да, конечно. Это просто от удивления, знаете ли, когда я услышал ее... голос и все такое...

Камерона насторожило выражение глаз лэрда Мэйтленда. Он решил, что будет лучше, если он как можно быстрее загладит свою невежливость. Сделав шаг влево, чтобы посмотреть англичанке прямо в лицо, он собрался уж было принести ей свои извинения, но Бродик шагнул одновременно с ним и помешал ему сделать это.

– Нас примут в этом доме? – сурово спросил он.

– Конечно, примут, – заверил его Камерон.

Пальцы его нервно прошлись по седой гриве; при этом старик надеялся, что лэрд не заметит, как дрожит сейчас его рука. Что ни говори, а он и в самом деле испортил первое впечатление от встречи. Меньше всего ему бы хотелось оскорбить этого могущественного и жестокого человека... А уж если он все-таки оскорбил Йана, то, возможно, это будет его последним поступком на сей благословенной земле.

Камерон с трудом удержался от непреодолимого желания тотчас же перекреститься. Он не смог выдержать пристальный взгляд Йана и, отведя глаза в сторону, посмотрел на Бродика, после чего прокашлялся и произнес:

– С того дня, как твой брат женился на моей единственной дочери, ты и другие члены клана Мэйтлендов – желанные гости в этом доме. И, разумеется, женщина лэрда Мэйтленда тоже, – поспешно прибавил он и, повернув голову, крикнул жене: – Маргарет, собирай на стол ужин! Будем принимать гостей.

Поначалу Джудит недоумевала, почему же молчит Йан, но как только Камерон упомянул, что брат Бродика женат на его дочери, ей сразу стало ясно, почему именно ему была предоставлена возможность уладить возникшее недоразумение.

Камерон жестом пригласил их всех в дом. Джудит протянула руку и схватила Бродика за краешек плеча. Воин немедленно обернулся.

– Спасибо, что вступились за меня, – прошептала она.

– Вам нет нужды благодарить меня, Джудит. – От смущения его голос сделался глухим и ворчливым.

– Нет, есть, – возразила она. – Бродик, объясните, пожалуйста, своему родственнику, что я не женщина Йана, чтобы он не заблуждался на этот счет.

Целую минуту Бродик смотрел на нее, не произнося ни слова, после чего бросил вопросительный взгляд на Йана.

«Почему он колеблется?» – подумала девушка.

– Я всего лишь прошу, чтобы вы рассказали этому человеку правду, – пояснила она.

– Нет, – слышалось в ответ.

– Нет? – изумилась Джудит. – Но почему же, боже правый?

Нельзя сказать, что Бродик улыбнулся, но в уголках его глаз появились многочисленные морщинки, и ей показалось, что воин над ней посмеивается.

– Потому что вы и есть женщина Йана, – растягивая слова, ответил Бродик.

Джудит чуть было не рассмеялась.

– С чего это вдруг вам пришла в голову столь дурацкая мысль? Я всего лишь ваша гостья...

Она все еще пыталась что-то объяснить, но Бродик повернулся и направился к дому. Джудит с досадой посмотрела вслед упряму. Вслед за Бродиком последовали Гаури и Алекс, чему-то открыто ухмыляясь.

Джудит не тронулась с места. В конце концов Йан отпустил ее плечи и легонько подтолкнул в спину.

Джудит даже не пошевелилась. Тогда воин сделал шаг вперед и, встав прямо перед ней, заглянул ей в лицо и сообщил:

– Вы можете идти в дом.

– Почему вы не возразили Камерону, когда он называл меня вашей женщиной? – спросила девушка.

Воин пожал плечами.

– Потому что в тот момент я думал совершенно о другом.

Конечно же, он сказал неправду. Камерон и в самом деле ошибся: Джудит не была его женщиной, но Йану нравилось это слышать, поэтому он и не стал возражать старику. Боже, до чего же он, должно быть, устал, если в голову ему приходят подобные глупости.

– Входите в дом, – спокойно приказал Йан, но голос его на этот раз прозвучал более сердито, чем ему самому этого хотелось.

Джудит покачала головой и потупила взор.

– Что такое? – удивился Йан, снова приподнял ее подбородок и заставил посмотреть ему прямо в лицо.

– Я не хочу входить в этот дом.

Голос ее звучал на редкость жалобно. Йан постарался сдержать улыбку.

– Почему же?

Джудит пожала плечами. Тогда предводитель легонько сжал ее подбородок. Девушка поняла, что он не отстанет от нее, пока не получит вразумительный и правдивый ответ.

– Просто я не хочу идти туда, где меня не желают видеть, – прошептала она. Ей вдруг захотелось плакать. Глаза ее уже затуманили слезы. – Я совершенно выбилась из сил.

– Но вы же не хотите ночевать во дворе, правда?

– Я же вам только что объяснила... меня унизили, – выпалила она со слезами на глазах. – Я понимаю, что не следует принимать эту чертову неприязнь исключительно на свой счет. Все шотландские горцы ненавидят англичан, большинство англичан ненавидят шотландцев... а я больше всего в жизни ненавижу ненависть, ибо она происходит от людского невежества, Йан.

Он кивнул в знак согласия. Джудит понемногу остыла. Трудно оставаться в ярости, когда с тобой не спорят.

– Камерон напугал вас?

– Меня напугал его гнев, – призналась она. – Его беспричинный гнев. Или я опять все преувеличиваю? Я слишком устала, чтобы в чем-либо сейчас разбираться.

Джудит и впрямь едва не падала от усталости. Сегодня Йан был недостаточно к ней внимателен, иначе бы он еще раньше заметил темные круги у нее под глазами. Признаваясь в испытанном ею унижении, она схватила воина за руку и теперь все еще держалась за нее.

Да, Джудит выглядела усталой, побежденной, и все же, несмотря на это, по-прежнему казалась Йану удивительно прекрасной.

Неожиданно девушка расправила плечи.

– Вы должны идти в дом. Я с удовольствием подожду здесь, – сказала она.

Йан улыбнулся и заявил:

– Но мне доставит больше удовольствия, если вы войдете в дом вместе со мной.

Спор был окончен. Йан обнял ее рукой за плечи, слегка прижал к себе и потянул к двери.

– Вы, кажется, говорили, что опять все преувеличиваете, – заметил Йан, умышленно не обращая внимания на то, что девушка неподатлива в его руках. Упрямство – существенная черта характера этой женщины. Но этот недостаток его скорее забавлял, нежели возмущал. Ни одна другая женщина до сих пор не сердилась на него так явно, но Джудит совершенно не похожа на всех тех женщин, которых он знал прежде. Она гневно обрушивалась на него чуть ли не каждую минуту, по крайней мере так ему казалось. Ее поведение отличалось непривычной прямоотой. Эта девушка совершенно не пыталась произвести на него какое-либо впечатление, и было очевидно, что не в ее характере отступать перед опасностью. Странно, но ее естественное поведение в какой-то степени раскрепощало и его. Ему не приходилось вести себя с Джудит так, как полагается лэрду со своей покорной подданной. То, что она человек посторонний, по-видимому, разрывало пути традиций, связывавшие его как главу клана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.